

Андрей Юрьевич Анисимов
Проценты кровью
Серия «Близнецы», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
Близнецы. Проценты кровью:*

Аннотация

Новая книга Андрея Анисимова является продолжением остросюжетного романа «Близнецы. Восточное наследство». Бывший сотрудник МВД Петр Ерожин женится на любимой девушке и получает лицензию на право открыть частное сыскное бюро. События развиваются стремительно и неожиданно. Из охотника, идущего по следу преступника, сыщик, обвиненный в изнасиловании и шантаже, сам едва не становится дичью. Мало того, его молодая красавица жена подвергается смертельному риску, а взрослому сыну грозит тюрьма. Знал ли следователь Ерожин, поступая когда-то против совести, что готовит ловушку для себя и своих близких? Выйдет ли он победителем в схватке с бандитом, озверевшим от желания отомстить?

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Анисимов

Близнецы. Проценты кровью

Часть первая

Черный интеллект убийцы

1

Старшему лейтенанту Крутикову не везло с девушками. Сергей не был уродом. Сетовать на свой рост он тоже права не имел. Метр семьдесят девять для баскетбола маловато, а для жизни вполне подходяще. Крутиков не понимал, почему девушки, встретившись с ним несколько раз, вместо того чтобы влюбиться в бравого стража порядка, сникали и под разными предлогами от дальнейших свиданий уклонялись. И это при том дефиците непьющих женихов, что наблюдался в Городе! Крутиков почти не выпивал, не курил и не страдал тайными пристрастиями к наркотикам или азартным играм. Однокомнатная квартирка лейтенанта вполне годилась для начала строительства семейного гнезда. Но до последнего времени тридцатидвухлетний Сергей Крутиков постоянной подругой обзавестись не сумел. Причина неудач молодого человека на личном фронте заключалась в его занудливом романтизме. Только в классических романах с запylенных полок представительницы прекрасного пола тают, когда им долго рассказывают о работе или читают стихи. В жизни девицы стараются от зануд уберечься. Слушать длинные, полные скучных профессиональных подробностей истории о поимке уголовного элемента, которые любил рассказывать Крутиков, было и впрямь нестерпимо скучно. Еще старший лейтенант обожал читать стихи своего великого тезки. Крутиков знал наизусть почти всё произведения Сергея Есенина и читал их громко, монотонно, а главное – долго. Остановить милиционера, когда он принимался за декламацию, можно было только грубостью.

Татьяна Назарова появилась в Новгороде месяц назад. Девушка окончила в Питере юридический факультет и была прислана на стажировку под крыло криминалиста Суворова.

Теперь это был не тот хилый прихрамывающий очкарик Витя Суворов, который работал в команде следователя Петра Ерожина. За годы Виктор Иннокентьевич заматерел, став хорошо известным в своей области профессионалом. Его статьи и книги изучали студенты юридических вузов. Начинать осваивать профессию рядом с опытным криминалистом считалось за честь. Таня глядела на мэтра широко раскрытыми глазами и старалась во всем ему подражать.

Старший лейтенант Крутиков в первый же рабочий день Назаровой предложил проводить ее до дома. Таня знакомыми в городе обзавестись не успела и с благодарностью приняла предложение внимательного коллеги. Погода стояла на редкость славная, что и полагалось в пору бабьего лета. Только в последние годы осень редко баловала новгородцев. Как поговаривал майор Сиротин, следователь, заменивший уехавшего в столицу Петра Григорьевича Ерожина, «каковы бабы, таково и лето». Сережа и Таня брели по залитому закатным солнцем городу. Крутиков по обыкновению принялся за свои притчи. Но девушка, вместо того чтобы бороться с зевотой, незаметно направила рассказчика на интересующую ее тему. Интересовали младшего лейтенанта Назарову дела, связанные с ее наставником. Суворов принимал участие почти во всех заметных происшествиях, поэтому поддерживать беседу Крутикову труда не составляло. Не замечая времени, они перешли мост Александра Невского, доша-

гали до Поворота на Большую Московскую, в конце которой в двухэтажном домике много лет проживала троюродная тетка Тани Анна Степановна Пильшук. Девушка не очень вникала, откуда и по какой линии тянулась родственная связь. Младший лейтенант имела право на общежитие. Но ее родителям было приятнее осознавать, что дочь под родственным прищмотром. Таня не возражала: оказаться совсем одной в чужом городе боязно. Тем более что пожилая дама приняла петербургскую племянницу очень радушно и в категорической форме запретила говорить об общежитии.

За месяц проводы девушки превратились для Крутикова в желанную традицию. Если работа не позволяла этого, Сергей страдал. Таня все больше нравилась старшему лейтенанту. Сегодня наступил маленький юбилей их дружбы. Месяц не слишком большой срок, но Сережа получил зарплату, и это был прекрасный предлог, чтобы пригласить девушку в кафе. В центре возле кремля подобные заведения держали космические цены, поэтому они зашли в небольшое кафе под названием «Русич» невдалеке от дома Таниной тетки. Здесь было меньше показухи и относительно дешево. Бабье лето давно закончилось. С реки дул резкий ветер, низкие тучи неслись почти над головой, и даже когда в их разрывы вываливался красный солнечный шар, теплее не становилось. Молодые люди замерзли и нагуляли аппетит, поэтому по две порции пельменей на нос им не показались чрезмерными. В небольшом зале умещались семь столиков. Из них три пустовали. Таня и Сергей устроились в углу под телевизором. На экране болталась потертая копия американского боевика, который смотрела сама буфетчица. Дородная блондинка за стойкой, подпирая ладонями полные щеки, внимательно следила за сюжетом, нехотя отвлекаясь на просьбы клиентов. В центре зала беседовали две дамы. Пили дамы водку, обильно закусывали и громко обсуждали недавнюю поездку в Москву. Крутикову посетительницы были знакомы по местному рынку. Они держали там павильончик, и интересы их сводились к ценам и качеству товара. Специализировались бизнесменши на торговле женским бельем, и потому слова «трусики», «бюстгалтеры» и «ночнушки» произносились ими часто. В противоположном от Сережи и Тани углу сидели двое мужчин. Один сидел к залу спиной, отвернув лицо к стене, жадно и сосредоточенно ел. Другой тянул пиво, слезливо улыбался и что-то говорил не то соседу, не то самому себе. Крутиков подошел к буфету и заказал по бокалу вина и шоколадку для Тани. Буфетная блондинка, недовольная, что ее оторвали от экрана, остановили пультом кадр боевика и удалилась за новой бутылкой. Пока она отсутствовала, Сергей оглядел посетителей углового столика с профессиональным интересом. Любителя пива Крутиков хорошо знал. Это был безобидный алкоголик Виткин, давно пропивший все свое имущество, в том числе и маленькую комнатенку в заводском бараке. Его сосед, отвернувший лицо к стене, привлек внимание старшего лейтенанта. Милицейское чутье подсказывало Сергею, что перед ним клиент родного ведомства. Крутиков бессознательно потрогал табельное оружие. Если бы не Таня, он наверняка подошел бы к угловому столику и попросил мужчину предъявить документы. Но блондинка выплыла из подсобки, и Крутиков с вином и плиткой шоколада вернулся за свой столик. Таня, как ребенок, обрадовалась гостинцу, и Сергей, глядя в ее сияющие глаза, о подозрительном посетителе забыл.

— За что мы собрались пить? — улыбнулась девушка, поднимая бокал.

— За нас! — торжественно сообщил молодой человек. — За прекрасную пару — младшего лейтенанта Назарову и старшего лейтенанта Крутикова.

Таня сделала глоток и покраснела. Крутиков, не заметив смущения подруги, приосанился и, подготовив лицо к декламации, прочитал первую строчку любимого стихотворения:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали,
В первый раз я запел про любовь,

В первый раз отрекаюсь скандалить...

– Иди в задницу! Бензоколонку я тебе не отдам, – грозно заявил с экрана герой боевика.

Глаза Тани округлились. Она посмотрела на экран, потом на своего кавалера и вдруг расхохоталась. Теперь уже покраснел Крутиков.

– Прости, – вытирая глаза от слез, попросила Назарова. – Уж очень смешно получилось.

Буфетчица выключила видеоманитон и снова удалилась в подсобку. В возникшей тишине резко зазвучал голос одной из торговых дам:

– Большие размеры и нулевки сразу разбирают. Зависают средние.

– Такие уж наши русские бабы. Или много, или ничего, – согласилась с коллегой вторая бизнесменша.

– О чем они? – не поняла Таня.

– О частях женского туалета. На нашем вещевом рынке торгуют, – пояснил Сергей...

Таня снова готова была прыснуть, но передумала:

– Ты хотел прочесть стихотворение? Читай.

– В другой раз, – ответил Крутиков и неожиданно выпалил: – Выходи за меня замуж.

Таня, чтобы скрыть растерянность, достала из сумки маленькое зеркальце и уставилась в него:

– Ой, от смеха тушь потекла. Я на минутку.

Девушка встала и направилась к раздевалке, справа от которой имелась дверь с надписью «Ж». Оставшись в одиночестве, Сергей машинально глянул в противоположный угол. Алкаш Виткин спал, уронив голову на стол. Руки его свисали по швам, едва не касаясь пальцами пола. Подозрительный сосед алкоголика исчез. По еле заметным признакам, понятным лишь профессионалу, старший лейтенант сделал вывод, что сидевший за столом тип не так давно сменил телогрейку на пальто. Зеков Крутиков чуял за версту и большинство местных уголовников знал. Но угрюмого посетителя кафе припомнить не мог.

Таня вернулась за стол. Выражение ее лица изменилось. Девушка внимательно посмотрела на Сергея и сказала:

– Давай отложим этот разговор еще на один месяц.

– А что изменится за месяц? – спросил Крутиков.

– Я тебя лучше узнаю, – ответила Назарова.

На улице давно стемнело. Буфетная блондинка уже несколько раз с заискивающей улыбкой поглядывала на их столик. Портить отношения с блюстителем порядка резона не было, но и работать всю ночь барменша не желала. Торговые дамы закончили обсуждение своего ремесла и, восстановив слой съеденной губной помады, ретировались. Остался один похрапывающий Виткин. Его буфетчица растолкает перед уходом. Алкоголик при кафе существовал в качестве бесплатного подсобного рабочего. И хоть молодым людям вовсе не хотелось расставаться, они поднялись и, поблагодарив белокурую любительницу боевиков, покинули тепло приютившего их кафе «Русич». На улице Таня сама взяла Крутикова под руку, и Сергей почувствовал, что девушка по-особенному нежно прижалась к нему.

– Что за мужчина остался спать в углу? – спросила Таня, когда они медленно двинулись в сторону тетушкиного дома.

– Бомж Виткин. Не судим. Пятьдесят второго года рождения, – доложил Крутиков.

– Жалко мне таких. Нет у нашего правительства программ для оступившихся, – задумчиво произнесла Таня.

– Алкашей, – уточнил старший лейтенант.

До двухэтажного домика тетки Пильщик оставалось метров двести. Как ни старались молодые люди замедлить движение, чтобы оттянуть момент разлуки, через пять минут оказались возле облезлых деревянных дверей. Таня тихо сказала Сереже:

– Спасибо, – и, приподнявшись на цыпочки, быстро чмокнула его в губы.

Крутиков остолбенел, и, пока он приходил в чувство и думал как надо реагировать, Таня, постукивая каблуками форменных казенных башмаков, исчезла во мраке подъезда. Она знала, что ее престарелая родственница за вечерний чай одна не сядет. Но племяннице очень не хотелось сегодня выслушивать бесконечные истории из жизни незнакомой родни.

Близкие Анны Степановны сразу после войны с немцами переехали из северной столицы в Новгород, с тех пор с ленинградской родней почти не общались и многого друг о друге не знали. Заполучив петербургскую племянницу, Анна Степановна старалась пробел в данном вопросе заполнить.

Поднявшись на второй этаж, Таня позвонила в дверь. Ключи от квартиры тетка, ей вручила сразу, но пока девушка ими не пользовалась. После повторного звонка Таня все же извлекла ключи из сумки и, несколько раз поменяв местами, справилась и с верхним, и с нижним замком.

– Анна Степановна! – позвала она и, не получив ответа, прошла по квартире.

На кухонном столе, рядом с чистой тарелочкой и синей кобальтовой чашечкой, лежала записка. Четким и прямым почерком тетка сообщала, что внезапно заболела ее одинокая подруга, и Анна Степановна посчитала своим долгом отбыть к ней для ухода. Вернуться тетушка надеялась на следующий день. Дальше шли подробные наставления, когда, чем и как племянница должна питаться. Таня улыбнулась и подошла к окну. Внизу под фонарем стоял Крутиков. Он еще не опомнился от прощального поцелуя и, задрав стриженую голову, пытался вычислить окно своей приятельницы. Форменную кепку молодой человек держал в руках, и порывы ветра смешно топорщили его челку. Сердце девушки густо наполнилось сострадательным чувством. Она попробовала опустить щеколду, но не смогла. Тогда Таня подвинула к окну табуретку и, встав на нее, распахнула форточку:

– Сережа, поднимайся на второй этаж, напою чаем.

Сергей не сразу понял, откуда его зовут, а когда увидел, расцвел такой счастливой улыбкой, что Таня едва не прослезилась. Пока Крутиков неловко топтался в прихожей, расшнуровывая и снимая ботинки, девушка вернулась на кухню и принялась хозяйничать. Принимать гостя в доме тетки ей пришлось впервые, и Таня немного волновалась. Крутиков явился в носках и, пристроившись на табурет, радостно наблюдал за хлопотами молодой хозяйки. Оттого, что они оказались одни в квартире, оба немного смущались, и, чтобы нарушить затянувшуюся паузу, Таня предложила:

– Почитай Есенина. Теперь никто не помешает.

– «Заметался пожар голубой...» – начал Крутиков и вдруг осекся. – Не могу.

– Забыл? – спросила Назарова и подошла к Сергею.

Крутиков неловко и стремительно обнял девушку за талию и прижался головой к ее животу. Таня стояла, опустив руки, не отталкивая и не отвечая на его порыв. Потом она подняла ладонями голову молодого человека и, посмотрев ему в глаза, тихо сказала:

– Пойдем ко мне.

Сергей поднялся и послушно пошел следом. Ее маленькая комнатка с узенькой тахтой и двустворчатым шкафом находилась сразу за прихожей.

– Подожди, я сейчас, – попросила Таня и, оставив Крутикова, вышла. Когда она вернулась в легком халатике, Сергей так и стоял, не меняя позы. – Раздевайся, дурачок, – улыбнулась девушка и, разобрав постель, юркнула под одеяло.

Сергей снял табельный пистолет, что торчал у него под мышкой, и долго не мог сообразить, куда его пристроить.

– Повесь на стул, – шепнула Таня. Крутиков, словно робот, исполнил приказание. – Теперь брюки, – услышал Сергей и долго старался освободить из пряжки ремень. Оставшись в рубаше и трусах, он подошел к тахте и как замороженный смотрел на девушку.

Она приподнялась – одеяло раскрыло розовую девичью грудь с маленькими коралловыми сосками – и немного подвинулась, давая ему место.

Старенькие ходики малиново отбили на кухне три раза. Таня лежала, устроившись головой на груди Сережи, и невидящими глазами смотрела в потолок.

– Мне надо до пяти сдать смену, – сказал Крутиков и долго и нежно поцеловал девушку в губы.

– Так ты предаешься любви на посту? – улыбнулась она, поглаживая лицо и плечи Сергея.

– Я договорился с ребятами, но пистолет надо сдать в срок, – ответил Крутиков, млея под ее пальцами...

Одевался Сергей по-военному быстро. Очень не хотелось уходить, и он решил не размазывать прощание надолго.

– До завтра, – шепнул он, когда Таня, набросив халатик, открыла перед ним дверь, и уже с лестницы крикнул: – Может, не будем ждать месяц до свадьбы? Я так долго не выдержу...

Оставшиеся полночи Таня уснуть не могла. Предложение делают не каждый день, и Назарова разволновалась. Крутиков ей нравился. Таню поражало, как можно в милиции, где грязь и порок прикасаются к тебе каждый день, сохранить романтику и чистоту. Сергей даже не лез целоваться. Сегодня она сама все сделала. Но с другой стороны, выйти замуж и остаться в провинциальном городе? Разве об этом мечтала на выпускном вечере у разведенных мостов юная медалистка? Выпускные экзамены Татьяна Назарова сдала на отлично. Они тогда всем классом расселись на граните набережной. Каждый выкрикивал свою мечту-желание, и туманное небо белых питерских ночей обещало, что все эти желания исполнятся. Таня тогда мечтала стать артисткой. Она бы поступила в театральный, но папа сказал: «Актриса – это не профессия. Станешь девой по вызову, дожидаться звонка режиссера». Таня подумала и пошла в юридический. Через два года она не мыслила себе другой специальности. Криминалистика захватила ее целиком. Но замужество в областном центре? Девушка вспомнила, как Сергей не смог читать Есенина, и улыбнулась. Она знала, что замуж за Сережу выйдет, потому что теперь ни о ком другом думать уже не могла. Младший лейтенант Назарова лежала на тахте, обхватив руками подушку, и повторяла в памяти каждый миг прошедшего свидания. Чаем она гостя так и не напоила. Между порывами яростного желания они, обнявшись, говорили шепотом друг другу нежные слова. Сережа попросил на память ее фото. Тане пришлось встать и, порывшись в чемодане, найти карточку. Она не успела вложить фото в карман его кителя, как Крутиков подхватил ее и увлек на тахту. Грудь Тани немного ныла от его рук, но эта боль наполняла все ее существо невероятной нежностью. Наконец девушка закрыла глаза и уснула. На губах спящей застыла чуть заметная улыбка.

2

К зиме северные небеса светлеют поздно. Пенсионер Васильев по обыкновению вставал задолго до рассвета и начинал свой день с выноса помойки. Его раздражали переполненные баки возле дома, и он старался свалить семейные отходы до прибытия мусорной машины. Это утро ничем не отличалось от других. Перед тем как совершить ритуал, Васильев глянул на градусник в кухонном окне и, отметив, что заморозков ночью не было, все же накинул на плечи полушубок. На лестничной площадке внизу вывернули лампочки. Понося зловредных воришек, пожилой человек осторожно спустился по лестнице. Обычно после

освещенного подъезда он первые мгновения ничего не видел на темной улице. В этот раз наоборот, свет фонаря над подворотней показался ему слишком ярким. Высыпав содержимое ведра, пенсионер уже было повернул к дому, но что-то остановило старика. Он вгляделся в тень за мусорным баком и, заметив торчащие ноги, подошел поближе. Васильев не ошибся. За баком лежал человек, одетый в милицейскую форму. Пенсионер вздохнул, перекрестился, хотя продолжал состоять в партии коммунистов, и опустил порожнее ведро на землю. В этот момент ему показалось, что от баков в сторону кустов сирени метнулась тень. Васильев оставил ведро и, неловко притаптывая, побежал к своему подъезду. Добравшись до второго этажа, задохнулся и прижал ладонь к груди. Сердце старика колотилось, как у ворабья, которого взяли в руки. Васильев на секунду замер у телефона, подождал, пока дыхание восстановится, и принялся накручивать диск. Пальцы дрожали, и до дежурного он дозвонился не сразу. Затем долго и бестолково объяснял о находке. Лишь адрес назвал четко. В своем доме Васильев прожил всю сознательную жизнь, потому адрес мог сообщить и во сне.

Наряд, прибывший через семь минут после звонка пенсионера, обнаружил тело старшего лейтенанта Крутикова. В кармане его форменного кителя документов и денег не оказалось. Исчез и табельный пистолет. Осталась лишь фотография строгой девушки в форме младшего лейтенанта милиции.

3

Деревенька Кресты затерялась на самой границе Новгородской и Ленинградской областей. Пять километров проселка выводили на бетонку Новгород-Луга. Легковому транспорту проселок давался три месяца зимы, при условии, что тракторист Гена не ударялся в запой и снег убирал. В летние месяцы по засушливой погоде тоже можно было рискнуть. Но, не дай бог, один серьезный дождик – и путь назад отрезан. А после затяжных дождей не всякий грузовик имел шанс доползти до Крестов. Несмотря на трудности с дорогой, летом деревня оживала. Среднее и младшее поколение местных жителей, важно величавшее себя дачниками, проводило летний отпуск на исторической родине. Зимой семь домов из десяти глядели на еловый лес накрест заколоченными ставнями и промерзали насквозь. Три избы обогревались и зимой. Из труб тек уютный беловатый дымок, возле крылечек стояли метлы и лопаты, а в сенях – валенки с калошами и коромысла. Зимнее население деревни состояло всего из трех душ: двух христианских, одной мусульманской. По душе на дом. Случайно жилые избы разбежались по деревне симметрично. Одна в центре, две по краям. Справа, в крайней избе, прижился мусульманин Халит. Он прибил к постой к вдове – лесничихе. Старуха вскоре померла, а Халит прижился. В самой середке Крестов обитала девятиностолетняя девушка Агриппина. Последние два года престарелая девушка болела, и без помощи мусульманина ей бы пришлось совсем худо. Она верила, что Халита ей послал сам Господь в благодарность за сохраненную девственность. Мусульманин носил ей воду из колодца, колот дрова и привозил из редких поездок в город сахарок и пару батончиков. Белый хлеб в деревне звали булкой и употребляли на десерт. Зимой Халит расчищал крыльцо, дорожку от снежных завалов и почти ежедневно заходил проведать хозяйку. Разговоров они не вели – старуха давно оглохла, – но с самоваром самостоятельно управлялась, поэтому они молча сидели за столом и пили чай. Летом к Агриппине наезжала родня. Она давно путала внуков с правнуками, поскольку все они были двоюродными, а своих детей «девушка» Агриппина завести не могла. Сестра ее давно отошла в мир иной, за ней последовали и два младших брата. Все они оставили потомство, и теперь разобраться в многочисленных родственниках стало бы затруднительно и для более молодого и приткого ума, нежели ум девятиностолетней Агриппины. По приезде городских родственников Халит получал моральный отпуск, который использовал для сбора лекарственных трав, заготовки грибов и ягод.

Мусульманин кормился лесом. Документов Халит не сберег и никаких пособий или пенсий не получал. Бежавшему от войны старику титул беженца не выдали, а обивать пороги чиновных кабинетов он не умел. В Крестах Халит никому не мешал. Охотников на избу лесничихи не нашлось, и мусульманин жил спокойно, без унижений и попреков. Чего нельзя сказать о городе, куда он поначалу приехал. Обижали часто, и очень хотелось Халиту напомнить русским, как его мать и еще множество таких матерей кормили беженцев из России в немецкую войну. Правда, звались они тогда не беженцами, а эвакуированными. Да трудное слово «эвакуация» теперь мало кто помнил...

В крайней избе слева жила Дарья Ивановна Никитина. Из постоянных жителей она была самая молодая. Ей по весне стукнуло пятьдесят пять. Она легко справлялась со своим нехитрым хозяйством, состоящим из пяти кур, петуха Петьки и дворового пса Доши. На лето к Дарье Ивановне приезжала внучка Валечка. Девушка закончила предпоследний класс и проводила у бабушки летние каникулы. А долгими зимними вечерами Дарья Ивановна вязала женские рейтузы. Делала она это весьма профессионально и вывозила свою продукцию на городской рынок, где рейтузы шли нарасхват. Вязание давало ей крепкую добавку к мизерной пенсии. Дарья Ивановна смолodu ушла в город домработницей и на казенной службе никогда не числилась. Про Никитину говорили, что она дочку прижила от заезжего солдата. Перед демобилизацией тот якобы обещал девушке жениться, да уехал домой и позабыл. На самом деле все было не так, но правду о дочери пожилая женщина скрывала.

Девочку она вырастила одна, хотя иногда тайный отец помогал деньгами. Но делал он это сугубо по собственному желанию и настроению. При получении паспорта дочка взяла материнскую фамилию. Школу Верочка Никитина закончила деревенскую и в ленинградский вуз по конкурсу не прошла. Выучилась на водителя трамвая и устроилась в трамвайный парк. Повторяя судьбу матери, без мужа родила дочь Валю. От парка, перед самым развалом державы, ей выдали маленькую квартирку в полуподвале старого дома, где они вдвоем с дочерью и жили до сих пор. Дарья Ивановна только один раз гостила у дочери в Дровяном переулке. Теснота и полумрак после деревенской воли пожилую женщину угнетали. Она неделю промаялась и уехала.

В этом году Валя задержалась в деревне. Школа, где училась внучка, с весны встала на капитальный ремонт. Строители обещали успеть к началу учебного года, но первого сентября выяснилось, что трубы завезли бракованные, а замена их – дело долгое: средства, выделенные городской властью на ремонт, были израсходованы, а новых взять негде. Начало учебного года в связи с этим откладывалось на неопределенный срок. Валя осталась у бабушки.

Дарья Ивановна вслух не говорила, но в душе нечистых на руку строителей благодарила. О том чтобы прожить с внучкой до ноября, пожилая женщина не могла и мечтать. В конце августа основная часть дачников уехала в город. В Крестах остались лишь пенсионеры Воробьевы. Неутомимые супруги с рассвета до сумерек пропадали в лесах, добывая последние грибы и клюкву. Дарья Ивановна знала, что чета пенсионеров живет бездетно, и удивлялась, зачем им столько запасов? Торговать пенсионеры не ходили, а сами такое количество съесть не могли. В конце сентября уехали и они, и, кроме Валечки, никого из городских не осталось.

Дарья Ивановна опасалась: без молодежи внучка заскучает. Но выручил мусульманин Халит. Он еще прошлым летом приметил Валю и одаривал девушку лесными гостинцами. То принесет банку лесного меда, то щучку из реки, то кружку малины. В сентябре, когда деревня опустела, Халит стал брать Валю в лес за орехами. Орехи внучка Дарьи Ивановны очень любила, но они созревали позже, чем начинаются школьные занятия. В этом году Валя орехов дождалась. Халит за три года жизни в Крестах так изучил окрестности, что знал

грибные и ягодные места лучше местных. Знал он и все большие орешники на много километров вокруг.

– Вот тебе и басурманин! – часто говорила Дарья Ивановна. – Золотого сердца человек! Другим христианам у него бы поучиться...

Телевизоров в деревне не водилось, но из радиопередач Никитина знала о войне на Кавказе и пеняла Халиту:

– Вон, что твои одноверцы удумали – кровь лить.

Халит качал головой и уходил. Но один раз оглянулся и сказал:

– Христа продали и Аллаха продали. Золото Бога не знает...

Осень катила быстро. Теплые солнечные дни сменились на пасмурные и дождливые. Темень наступала рано. В среду после полудня повалил снег. И хотя он сразу стаял, Дарья Ивановна поняла, что осень заканчивается. Последние два дня у женщины лежал груз на сердце. На вопросы внучки она отговаривалась старостью: к погоде кости ломит, меняется погода, вот и организму тяжело. Но погода была ни при чем. Никитину одолевали дурные предчувствия. На улицу она выходить почти перестала. После завтрака усаживалась под образа и молча вздыхала. Валя кормила кур и пса Дошу. Кобель, чуя настроение хозяйки, тоже ходил, поджав хвост, а ночами выл. К обеду неожиданно распогодилось. Облака раступились, и выглянуло солнце. Дарья Ивановна немного повеселела и вышла подышать во двор. Но любоваться лазурью неба долго не пришлось. Внезапно налетел ветер. Его шквальные порывы сорвали последние листья с красной рябины, погнали рябь по дорожным лужам и задрали хвосты у перепуганных кур. Доша залез в свою будку и грустным собачьим глазом следил за разгулявшейся стихией. Дарья Ивановна с внучкой вернулись в избу и проверили, хорошо ли закрыты окна. Ветер нагнал низкие свинцовую облака и внезапно стих. К сумеркам зарядил нудный мелкий дождик. В довершение всего погас свет и смолкло радио. Дарья Ивановна зажгла керосиновую лампу, и внучка пристроилась читать. Спать пошли рано. Валя ночевала на сеновале, куда из сеней вела деревянная лесенка.

– Не замерзнешь на чердаке? – спросила Дарья Ивановна. – Пора в дом перебираться.

Но спать в доме Валя не хотела. Никитина посветила девушке в сенях и, когда та поднялась, вернулась в горницу. Кровать с никелированными шишечками Дарья Ивановна стелила обстоятельно: сбивала перину, поправляла подушки, равномерно распределяла стеганое одеяло в недрах крахмального пододеяльника. Закончив с постелью, кряхтя, разулась и улеглась. Монотонный шелест дождя усыплял, и Дарья Ивановна закрыла глаза. Но тут забрежал Доша.

Дворняга Никитиной осталась единственной собакой в деревне. Летом дачники привозили городских. Это были породистые набалованные животные. Хозяева держали их для форса и возились так, как в деревне не возятся с детьми: стригли, купали с шампунями, кормили заграничными кормами. Водили этих собак на поводке, и о том, чтобы сажать их на цепь, не могло быть и речи. Сторожить двор такие собаки не умели. Дарья Ивановна много лет прожила в городе и на всевозможных домашних животных нагляделась, но относилась к ним по-деревенски пренебрежительно. Скотину надо держать для дела, считала Никитина, и убеждений своих никогда не меняла.

Доша продолжал брехать. Лай его становился все напористей и злее. «Небось зверь какой из леса», – подумала хозяйка, но, услышав глухой мужской голос, грязно ругавший собаку, вздрогнула и тяжело поднялась с перины. Пошарила в темноте ладонью по крышке комода. Знала, что положила спички туда, но от волнения нащупать не могла. Наконец схватила коробку, дрожащими руками раздвинула коробок. Первая спичка сломалась, вторая пошипела и зажглась. Дарья Ивановна наладила керосиновую лампу и хотела идти на крыльцо, но не успела. В окно постучали. Она поднесла лампу к стеклу и отшатнулась. Небритое мужское лицо с расплощенным на стекле носом выглядело жутко. Но больше

всего испугали женщину глаза. Это были темные недобрые глаза желтоватого цвета. «Волк!» – обожгла страшная мысль.

– Даша, это я. Не узнаешь?

Голос за стеклом Никитиной показался знакомым.

– Эдик! – крикнула она и побежала открывать.

С трудом отогнав разъяренного пса, Дарья Ивановна впустила нежданного гостя. В избу вошел высокий темный мужчина. Волосы на его голове от дождя слиплись, с них капала вода. Грязные стоптанные туфли с комьями налипшей глины оставляли жирные следы на половицах и тканой дорожке. Пиджак вошедшего, потертый и грязный, промок насквозь, брюки на коленях имели заплаты, а одна брючина, разорванная сбоку, открывала кровоточащую рану.

– Эдик! Тебя и не узнать! Откуда ты?! – всплеснула руками Дарья Ивановна, чуть не выронив лампу.

– Из тюрьмы. Ты одна? – спросил Эдик, настороженно оглядывая горницу.

– Внучка на мосту спит, – ответила женщина и, заметив рану на ноге гостя, бросилась к комоду. – Кровь-то откуда? Господи! Кто ж тебя так?

– Твоя зверюга. Убью падлу, – ответил Эдик, ставя раненую ногу на табурет. Дарья Ивановна разрешила брючину и, покропив рану тройным одеколоном, принялась бинтовать. – Жжет, сука, – сморщился Эдик, – не можешь побыстрее?

– Потерпи, родненький. Надо прожечь, а то столбняка бы не случилось, – уговаривала Никитина, заканчивая возню с бинтом.

Не переставая причитать и охать, Дарья Ивановна открыла фанерный сундук, извлекла из него старенькие шаровары дочери, свитер собственной вязки, шерстяные носки и со словами: «С тебя вода, как с утопленника», – подала все это Эдику. Эдик сорвал с тела промокшую одежду и, нисколько не стесняясь хозяйки, остался в чем мать родила. Дарья Ивановна взглянула на спину гостя и запричитала еще громче. Его спина в синяках и кровоподтеках и впрямь вызывала сострадание. Хозяйка хотела забрать грудку мокрой одежды, но Эдик рывком на нее, полез в карман изодранных брюк и достал оттуда что-то завернутое в тряпицу.

– Теперь забирай, – пробурчал он, облачаясь в сухую одежду из сундука.

Хозяйка растопила плиту и пристроила на нее две кастрюли и сковороду. Скоро в горнице послышалось бульканье, шкварчение и вкусно запахло. Ел Эдик долго и жадно. Женщина уселась напротив, сложила на столе руки и молча наблюдала, как гость насыщается.

Эдика Дарья Ивановна знала с трех лет. Когда она впервые увидела мальчика, тот походил на херувимчика из рождественской сказки. Одет ребенок был в матросочку с бантиком. Вьющиеся кудри до плеч, курносый носик и розовые щечки умилили молодую домработницу до слез. Сама Дарья Ивановна только два года назад стала матерью, и материнская нежность еще переполняла ее сердце. В семью Кадковых она попала случайно. Никитина нанялась к жене полковника в тот же дом, где проживал Михаил Алексеевич Кадков с супругой. Не успела Дарья Ивановна прослужить у полковника и трех дней, как хозяину пришел приказ о переводе. Семьи пригласили, и Дарья Ивановна по рекомендации перешла к Кадковым. Елена Платоновна, супруга Кадкова, в своей квартире молоденькую прислугу селить остерегалась. Никитиной сняли комнатенку в подвале поблизости, и она стала приходящей домработницей.

– Еще жратва есть? – поинтересовался Эдик.

Очнувшись от воспоминаний, Дарья Ивановна выскоблила на тарелку остатки содержимого из сковороды и кастрюль и подвинула гостю. Кадков принялся за добавку с прежней сноровкой.

Тогда, в Новгороде, Дарья Ивановна сперва удивилась: зачем бездетной семье прислуга? Но вскоре все поняла. Елена Платоновна родилась и выросла в Ленинграде, где роди-

тели ее отчаянно баловали. Там же она и познакомилась с Михаилом Алексеевичем. Выйдя замуж, молодая женщина не только обеда, но и чая приготовить не умела. Мадам Кадкова вела активный светский образ жизни, часто уезжала в Ленинград, где не пропускала ни одной значительной премьеры, и домом вовсе не занималась. Михаил Алексеевич Кадков тогда только начинал делать карьеру в облпотребсоюзе, куда был распределен после института, и работал от зари до зари. Обедал молодой хозяин в ресторанах, но холодильник в квартире всегда был забит деликатесами. Во времена тотального дефицита это вызывало уважение и зависть окружающих.

Разлад в семье начался из-за случайной беременности Елены Платоновны. Супруга Кадкова категорически не желала детей и панически боялась оказаться в интересном положении. Забеременев, она принялась устраивать мужу постоянные скандалы. Кадкова винила его в любовной неосторожности, пренебрежительном отношении к ее здоровью и в прочих проявлениях эгоизма, дикарства и бескультурия. Через месяц она уехала в Ленинград делать аборт. Врачи, обнаружив у Елены Платоновны проблемы с ее женским здоровьем, делать аборт отказались. Женщина осталась у родителей в Ленинграде, где и родила сына. До трех лет мальчика воспитывала бабушка.

– Клади спать, – потребовал Эдик, насытившись.

Дарья Ивановна постелила гостю на диване под ходиками. Эдик завалился, не раздеваясь, и уснул, не успев коснуться головой подушки. Спал он тяжело. Часто бормотал бессвязные предложения, иногда грязно ругался. «Досталось парню», – покачала головой Дарья Ивановна и, загасив лампу, улеглась на свою кровать. Уснуть не могла. Прошрое восстанавливалось в памяти, будто все случилось вчера. Она даже слышала, как хлопнула дверью Елена Платоновна, уходя с чемоданом из новгородской квартиры.

Дарья Ивановна попала к Кадковым накануне всех этих событий. Когда супруга уехала в Ленинград, Михаил Алексеевич домработницу не рассчитал. Она прибиралась, кормила хозяина завтраками – обедал и ужинал он вне дома – и следила за его одеждой. Кадков все чаще присутствовал на собраниях с городским начальством и требовал каждый день свежую сорочку. Через десять дней после демарша Елены Платоновны молодая прислуга стелила хозяину на ночь постельное белье. Девушка торопилась, чтобы успеть в гости. Владелица подвальной квартиры, где Никитина снимала комнатенку, затеяла праздник по случаю приезда на побывку своего сына. Парень служил на границе, и за усердие был отпущен в краткосрочный отпуск. Хозяйка решила, что скромная деревенская девушка может стать уважительной невесткой. Из этих соображений она и пригласила Дарью. Молодая домработница тоже была не прочь познакомиться с бравым солдатиком и потому спешила. Торопливо проталкивая толстое стеганое одеяло в крахмальник, девушка ощутила на своей груди две крепкие мужские пятерни. Она вскрикнула и оглянулась. Таким своего хозяина раньше Никитина не видела. Всегда важный и деловой работник промкооперации сейчас смотрел на нее глазами голодного кобеля. Нельзя сказать, чтобы Дарья Ивановна испытывала к хозяину женскую неприязнь. Ей нравилась его солидность и обходительность. Михаил Алексеевич был недурен собой, всегда прекрасно одевался и пользовался дорогим парфюмом. Но для Дарьи Ивановны Кадков был человеком из другого мира. Теперь, когда они в квартире вдвоем, а она почти лежала в постели, девушку обуял страх. Дарья пыталась вырваться, но кричать стеснялась. Хозяин сорвал с нее кофту и повалил на недостеленную кровать. Они долго и молча возились, каждый добываясь своего. Кадков стягивал с Дарьи чулки. В те времена колготки в России считались чудом. Женщины ходили в чулках, которые требовали дополнительной части туалета. Эта часть именовалась поясом. К нему резинками цеплялись чулки. На Дарье были надеты не капроновые, а простые матерчатые, коричневые чулки. Девушка, закусив губы, старалась их не отдавать, вцепившись в материю двумя

руками. Воспользовавшись этим, Кадков быстрым и точным движением сорвал с нее голубые трикотажные трусы, и путь к цели был свободен.

– Зачем вы так, Михаил Алексеевич? – спросила Дарья, когда хозяин удовлетворенно отвалился на подушку.

– Это сложный вопрос, Дарья, – ухмыльнулся Кадков.

Дарья заплакала. Кадков снисходительно обнял свою прислугу, принялся успокаивать и раздел до конца. Осмотрев ладную фигурку домработницы, ее налитую, по деревенски надежную грудь, готовую выкормить с десяток малышей, и крепкие бедра, он подумал, что хоть ножки немного коротковаты, в остальном девчонка недурна. На вечеринку Дарья не пошла. Ночевать она осталась с хозяином. Через девять месяцев родилась дочка Верочка. Бравый пограничник в тот вечер так и не увидел предполагаемую невесту, но стал поводом для легенды о происхождении Веры.

Дарья Ивановна растила ребенка, продолжая работать у Кадкова. К ее обязанностям прибавилась еще одна – скрашивать одиночество хозяина. Михаил Алексеевич насчет их связи никаких суждений не высказывал. Разводиться он не собирался и каждые десять дней посылал Елене Платоновне в Ленинград безответные письма. Через три года, прослышав, что супруг выходит в большие начальники, мадам Кадкова сменила гнев на милость и вернулась к мужу с трехлетним Эдиком. Материнство характер Елены Платоновны не изменило. Воспитание сына Михаилу Алексеевичу пришлось всецело доверить своей домработнице. Скоро Эдик стал называть няню мамой Дашей.

Деревенская женщина относилась к ребенку хозяев как к барчуку. Она любовалась мальчиком и, как могла, баловала его. Когда Эдик подрос, Кадков компенсировал отцовское невнимание щедрой выдачей карманных денег. Парень рано пристрастился к выпивке и сексу. Ему нравилось щеголять финансовой мощью перед сверстниками. Учиться Эдику стало скучно. Его несколько раз выгоняли из школы, но Кадков старший начальственным звонком сына восстанавливал. К двадцати трем годам Эдик превратился в хлыща и пьяницу и даже не закончил десятилетку. Единственно, что он делал виртуозно, так это водил машину. К совершеннолетию отец подарил ему первую модель «Жигулей».

Женские проблемы Елены Платоновны с возрастом переросли в злокачественную опухоль. Операцию сделали слишком поздно, и Михаил Алексеевич овдовел. Эдик к тому времени получил в подарок от отца однокомнатную квартиру в кооперативном доме и жил отдельно. После смерти жены Кадков к Дарье Ивановне не подходил, хотя подсознательно женщина этого ждала.

Воспоминания прервал Доша. Пес завыл под окном. «Больно часто он в последние дни воет», – подумала Дарья Ивановна, ворочаясь в постели. Она закрыла глаза и попыталась уснуть.

Да, после похорон Елены Платоновны она втайне надеялась. Ведь Верочка его дочь. Неужели Кадков не испытывает ни к ней, ни к девочке никаких чувств? Дарья Ивановна не могла знать, что с возрастом для своего хозяина она потеряла всякую привлекательность. Михаил Алексеевич развлекался с эстрадными дивами и манекенщицами, а отцовские чувства выражал исключительно через кошелек. Эдик постоянно кланялся у отца. Про дочку Веру Кадков иногда вспоминал сам и, подозвав Дарью Ивановну, всовывал ей в руку две-три сотни. Казалось, что теперь ничего не мешало сделать их положение открытым и официальным. А начальнику потребсоюза и в голову не приходило жениться на деревенской бабе. Он оказал ей мужское внимание, когда его прислуга была по-девичьи свежа и соблазнительна.

Однажды Михаил Алексеевич уехал в Москву на совещание. Три дня хозяин пробыл в столице и вернулся с Соней Грыжиной. Генеральская дочь сразу прибрала хозяйство к рукам. Дарья Ивановна три дня поплакала, затем собрала вещи и уехала с дочкой в деревню. Родители ее умерли, но дом в Крестах сохранился. Дочка выросла, перебралась в Ленинград

и приезжала только в отпуск. До школы внушка жила в деревне с бабушкой. А теперь стала большая и гостила во время каникул.

Эдик перевернулся и, выругавшись, захрапел. Дарья Ивановна посмотрела туда, где спал гость, и тяжело вздохнула. О несчастье с парнем Никитина слышала от людей, но что ее воспитанник убил отца – не верила. Она считала Эдика чуть ли ни своим сыном и жалела. Мальчик, не зная родительской ласки, кроме легких денег, превратился в набалованного эгоиста, но не в отцеубийцу. Дарья могла предположить, что Эдик убил кого-нибудь в пьяной драке. Он часто задирался и приходил с синяками, но поднять руку на отца?! В это Дарья Ивановна поверить не могла. И вот Эдик здесь. После тюрьмы его трудно узнать. Черты те же. Глаза изменились.

В сарае закукарекал Петька. «Скоро утро», – решила Дарья Ивановна, и, словно провалившись в яму, уснула. Разбудил ее душераздирающий крик внушки. Сломая голову, метнулась в сени. Девичий крик доносился с чердака. Дарья Ивановна схватила вилы и грузно поднялась по деревянной лесенке. Электричество ночью дали, и она включила тусклую лампочку, болтавшуюся на проводе. Перед ней в руках полуголого Эдика билась внушка. Ее питомец, рыча как зверь, мял девушку, пытаясь раздвинуть сжатые ноги. Дарья заголосила дурным голосом и ударила насильника плашмя по голове вилами. Эдик вскочил и двинул женщине кулаком в лицо. Дарья Ивановна лишилась чувств. Очнувшись от боли. Глаз заплыл, и нестерпимо ныла голова. Дарья Ивановна со стоном приподнялась. Внушка лежала без движения с обнаженной грудью и широко раздвинутыми ногами. На ляжках девушки подсыхали разводы крови. Дарья Ивановна наклонилась к внушке и приблизила лицо к ее губам. Слабое дыхание говорило о признаках жизни. Бабушка припала к Валиной груди, стала лихорадочно прикрывать ее разорванной одеждой. Девушка застонала и открыла глаза.

– Что со мной? – спросила она еле слышно.

Дарья Ивановна прижала внушку к себе, и запричитала над ней, поглаживая девушку по голове.

– Не уберегла я тебя, дура старая. От зверя не уберегла! – Видно, Валя все вспомнила. Глаза ее покраснели и из них потекли слезы. – Поплачь, дитятко, поплачь. Будет легче, – успокаивала Дарья Ивановна внушку и плакала сама.

– Кто он, бабушка? – спросила Валя сквозь слезы.

– Зверь он. Теперь верю, что отца родного убил. Раз дитя не пожалел, значит, мог и отца, – ответила Никитина.

Они затаились, обнявшись на сеновале, и боялись спуститься в дом. Наконец Дарья Ивановна решилась.

– Пойдем, милая. Пока еще я тут хозяйка. Может, он и ушел уже...

Дарья Ивановна открыла дверь в горницу и увидела Эдика. Тот спокойно сидел за столом и протирал тряпкой какие-то железки.

– Ирод, что ты наделал?! – истошно закричала она. Страх ушел. Остались обида и гнев.

Эдик молча поколдовал с железками, и они в его руках превратились в вороненый пистолет. Направив дуло в сердце няни, Эдик заявил:

– Будешь орать – пристрелю. Девка мне твоя кстати. Спать хочу с ней. Я теперь пока не намерстаю, ни одну телку не пропущу. Знаешь что такое десять лет без бабы?! Станете кочевряжиться, пристрелю обеих.

Валя, стоявшая в дверях и слышавшая слова насильника, бросилась во двор, но ее ноги подкосила слабость от перенесенного. Валя упала. К ней подбежал Доша и стал лизать лицо. Эдик вышел на крыльцо и приказал:

– Иди в дом и не дури.

Валя не двигалась. Эдик спустился с крыльца, схватил Валью за руку и втащил в избу.

– Пора обедать, – рявкнул он.

Заплаканные женщины, боясь встретиться глазами друг с другом, принялись медленно накрывать на стол. – Пошевеливайтесь. Спать будете ночью, – сказал Эдик и грязно выругался.

Дарья Ивановна и Валя сидели в углу на скамейке и молча ждали, пока Эдик покончит с едой. После чая он потянулся и заявил более миролюбивым тоном:

– Девчонка пусть и не думает убежать. В Питере отыщу и пристрелю вместе с Веркой. Не погляжу, что папашка у нас общий...

Днем Эдик потребовал горячей воды и долго возился с одеждой. Заставил няню заштопать и отгладить порванные собакой брюки. Потом натопил баню и заорал:

– Валька, иди сюда. Спину потрешь...

– Я тебе сама потру, – быстро предложила Дарья Ивановна.

– Ты, старая кошелка, заткнись. Может, у меня не только спина чешется. Давай сюда девку! – крикнул Эдик, высунув голову из приоткрытой двери в баню.

– Вали нет, – ответила женщина и скрылась в избе.

Эдик, голый, с пистолетом в руке, ворвался в горницу и, не увидев девушки, навел пистолет на няню:

– Ведьма, куда девку дела?!

– Ты меня не пугай. Я тебя не боюсь. А куда пошла внучка – не знаю. Она мне не докладывала, – спокойно ответила Никитина и отвернулась.

Эдик напялил на себя телогрейку и полуголый выскочил на улицу. Размахивая пистолетом и дергая двери запертых и заколоченных изб, он до бежал до жилища престарелой Агриппины. Ворвавшись к старухе и расшвыривая корзины с луком, старые тряпки и табуреты, Эдик оглядел горницу, сени и сарай. Не обнаружив Валу и перепугав до смерти древнюю хозяйку, побежал дальше. Последний дом встретил его запертой калиткой. Эдик попытался сорвать замок, но грянул выстрел. Он посмотрел на крыльцо и увидел пожилого азиата с двустволкой в руке.

– Отдай девку! Застрелю! – потребовал Эдик, но, заметив наведенный на свою грудь ствол, осекся.

– Уходи, ты плохой человек. Обидел ребенка. Халит убил бы тебя, но русские и так называют всех мусульман убийцами. Уходи и знай: придешь еще – умрешь.

– Отдай девку по-хорошему, – злобно заорал Эдик.

Ружье продолжало целить в грудь пришельца. Поняв, что еще шаг – и азиат выстрелит, Кадков повернулся и побрел назад. Он бы с удовольствием продырявил азиата, но на таком расстоянии мог промазать, а тот из ружья бил метко. Эдик это понял, получив порцию дробы возле ног.

Снова пригрозив няне тем, что застрелит в Питере и дочку, и внучку, если те посмеют заявить в милицию, бывший воспитанник Дарьи Ивановны попарился в бане в одиночестве и улегся спать. Заснул он быстро, но, как и в прошлую ночь, во сне бормотал и ругался. Один раз вскочил и, выхватив из-под подушки пистолет, стал озираться по сторонам, как затравленный волк. Дарья Ивановна всю ночь глаз не сомкнула.

Утром Эдик, начищенный и наглаженный, выпил три сырых яйца и ушел. Никитина долго не верила, что ее муки закончились. Зная, что Халит девочку в обиду не даст, за внучку больше не волновалась. Но тревога не уходила. Давила и угнетала тишина. «Где собака?» – подумала хозяйка. Пока Эдик был здесь, пес лаял и злобно рычал. А теперь его не слышно. Женщина вышла во двор и позвала: «Доша! Доша!» Но Доша не откликнулся. Тогда Никитина медленно побрела вокруг избы. Обезглавленный труп собаки лежал за баней. Голову Доши и окровавленный топор Дарья Ивановна обнаружила в огороде.

– Зверь, – прошептала она и заплакала.

4

Петр Ерожин возвращался из Бреста. Спидометр показывал сто сорок, но скорости не чувствовалось. Мягкая подвеска «Сааба» гасила выбоины и неровности трассы. До Москвы оставалось триста семьдесят километров. Ерожин спешил. Сегодня провожали на пенсию генерала Грыжина, и Петр Григорьевич не хотел сильно запаздывать. Пока по свободному Минскому шоссе удавалось гнать вовсю. Но Ерожин знал, что последние километры перед столицей не разгонишься. В воскресенье вечером москвичи возвращались с дач, и машин, ближе к Кольцевой, скапливалось много. Правда, дачный сезон давно закончился и часовых пробок быть не должно, но задержки надо учитывать.

Погода стояла сухая и солнечная. Ерожин радовался, что низкое осеннее солнце лупит в спину. Хуже было тем, кто ехал назад к Западу. Листья уже облетели, и пейзаж за стеклом выглядел демисезонно. Если не знать, что на дворе осень, картинку за окном можно было принять и за раннюю весну.

Мелодично брякнул мобильный телефон. Трубка лежала на свободном сиденье рядом, и Петр Григорьевич легко справился одной рукой.

– Ты где? – донесся из трубки голос Нади.

– Пилю, моя дорогая девочка, – улыбнулся Ерожин.

– Долго еще? – в интонации Нади слышалось детское нетерпение.

– Часа четыре, моя хорошая. Если ничего не случится... – ответил Петр Григорьевич и добавил: – Есть шоферская примета: точного времени прибытия говорить нельзя.

– И не говори, только приезжай поскорее. Я тебе уже и рубашку нагладила, и ботинки начистила.

– Спасибо. Постараюсь побыстрее, – пообещал он и хотел прощаться, но Надя заволновалась:

– Только не гони. Осторожно езжай. Лучше я подожду подольше...

Отключив телефон и вернув трубку на сиденье, Петр Григорьевич подумал, что никогда он так не рвался домой. И никогда раньше его так не раздражали командировки и все то, что отнимает возможность видеть Надю. А в последнее время мотаться пришлось много. Так уж жизнь повернулась. Ерожин сбросил скорость. Перед поворотом на городок Гагарин дозорный пост автоинспекции, и дежурный сотрудник не упустит случай содрать за превышение скорости с владельца крутой иномарки. Снова звякнул мобильный.

– Петька, где тебя черти носят? – раздался в трубке бас генерала.

– Еду, Иван Григорьевич. Уже недалеко, в Московскую область вошел.

– У тебя там задница еще с сиденьем не срослась? – поинтересовался Грыжин и, не дожидаясь ответа, загоготал. Ерожин понял, что бутылкой любимого армянского коньяка в запасах генерала стало меньше.

– Ладно, Петька, отгуляем, заделаем с тобой фирму. Хватит тебе не своим делом заниматься, бизнесмен хренов, – продолжая гоготать, сказал генерал на прощание.

Знак объезда Ерожин увидел издали. Дорогу ремонтировали, и машины пустили по параллельной грунтовке. Пришлось ползти на второй передаче. Шикарный «Сааб» для наших грунтовых дорог не спроектирован. Петр Григорьевич усмехнулся и подумал, что на своей «девятке» он бы и тут мог выжать километров семьдесят, а иностранная цаца, пожалуй, развалится, и на ремонт потом потратишь столько же, сколько стоит родная «девятка». Наконец объезд кончился, и «Сааб», вырвав на асфальт, рванул сразу за сотню.

– Да, братец, на цивильной дороге ты хорош, – вслух похвалил машину водитель.

Населенных пунктов вдоль трассы не наблюдалось, и Петр Григорьевич поднажал. Стрелка спидометра поползла к ста восьмидесяти. Ерожин вспомнил определение Грыжина,

связанное с его теперешней деятельностью. «У Ивана Григорьевича не заржавеет. Быстро словцо найдет, если и грубоватое, то точное», – подумал он. А бизнесом подполковник занялся не по своей воле.

По бокам дороги потянулись озимые. Они напомнили Ерожину поля гольф-клуба в подмосковном Нахабино. Сколько времени прошло с тех пор? Всего месяца четыре, а кажется – вечность. И сколько всего произошло. Ерожин представил себе Надю в своей квартирке, и ему стало необыкновенно хорошо внутри. А тогда он думал, что ее теряет. Сильно изменил жизнь отставного подполковника Ерожина выстрел из английского пистолета. Снова запел телефон. Звонил секретарь Севы Кроткина Рудик. Теперь это был его, Ерожина, секретарь. Без Рудика с фондом подполковник бы не справился.

– Петр Григорьевич, у вас завтра в десять совещание. Шведы уже приехали. А в двенадцать обед с представителем австрийской фармацевтической компании. Помните, тот, что мы отложили из-за вашей поездки?

– Хорошо. Только мы за два часа можем не успеть разделаться со шведами, – ответил Ерожин и наморщил лоб. Он силился припомнить вопросы, которые предстояло решить со шведскими партнерами, и боялся соглашаться на следующую встречу.

– Петр Григорьевич, у австрийцев в пятнадцать ноль-ноль самолет. Перенести встречу с ними на более позднее время я не смог.

– Хорошо, Рудик. Постараемся уложиться. Но в четыре у меня совещание в аксеновской фирме. На завтра больше встреч не назначай, – попросил Ерожин.

Озимые давно закончились, но мысли о гольф-клубе продолжали вертеться в голове. Тело убитой Фатимы быстро вывезли, и семейство Аксенова в тот день ничего не узнало. Но Петр Ерожин понимал, что от разговора не уйти. Много для непосвященных в это запутанное дело казалось неправдоподобным. Сыщику предстояло объяснить, что Фатима со своими сообщниками, наркологом Гариком и его сестрой – парикмахершей, накачали Веру наркотиками, перекрасили ее в черный цвет и усадили на ташкентский рейс. Сама же Фатима под видом Веры вернулась в Нахабино. Ее и застрелил Ерожин на площадке гольф-клуба. Но самое трудное, что предстояло подполковнику, – это открыть Аксеновым правду: Фатима – их родная дочь, подмененная в родильном доме на Надю. Настоящие родители Нади – Вахид и Райхон.

Разговор состоялся после того, как Веру вернули из Ташкента. Узбекский замминистра поверил Ерожину не сразу. Пришлось сличать отпечатки пальцев Фатимы, снятые с бутылки в ее ферганской квартире, с отпечатками Веры. Естественно, они не сошлись. Но главным и бесспорным доказательством в деле Фатимы оставался пистолет Макарова. Насыров еще раз поздравил Ерожина, и старшую дочку Аксенова отвез к самолету лично. Вера прилетела бледная. Узнав, что муж ранен и ему сделали операцию, совсем сникла. Марфа Ильинична пыталась кормить внучку бульонами и кулебяками, но та от еды отказалась и потребовала, чтобы ее немедленно доставили к мужу в больницу.

На второй день после возвращения Веры Аксеновы собрались в своей квартире на Фрунзенской набережной.

Ерожин, вспоминая, как он мучился перед этой встречей, чуть не влетел в притормозивший грузовик. Выругав свое шоферское поведение, Петр Григорьевич поехал осторожнее. После Одинцова скорость пришлось сбавить до шестидесяти. Машины инспекции стали попадаться чаще. Они прятались за поворотами и дорожными строениями. Движение при подъезде к столице, как и предполагал Ерожин, стало интенсивным. Петр Григорьевич пристроился за зеленым джипом и больше не обгонял. В районе Переделкино позвонили из Минска. Фуры с оборудованием на территорию предприятия пришли, и директор завода благодарил за это «директора» фонда Петра Григорьевича Ерожина. В Бресте разобраться с затерянным грузом оказалось не так просто. Ерожин понимал, что таможня хочет «на лапу».

Но давать взятку Петр Григорьевич не собирался. Он быстро разузнал, что бумаги таможен оформляет липовая фирма, созданная самой таможней для вымогательств. Прижав местное начальство и продемонстрировав свое удостоверение подполковника милиции, Петр Григорьевич через полчаса получил все данные о своих грузовиках. Через два часа машины вышли в Минск. И вот теперь ему звонили, что они на месте. Этой поездкой Ерожин сэкономил для фонда изрядную сумму. Если бы оборудование еще задержалось, пришлось бы платить заводу неустойку. Вины отправителя там не было. Шведы груз выслали точно в срок. Вина ложилась на посредника, а фонд им и являлся.

Наконец и Кольцевая автострада. На ней разрешено жать сотню. Ерожин одно деление прибавил. «За превышение в десять километров не остановят, стыдно», – считал подполковник, ставя себя на место дорожной инспекции, и постоянно этим соображением пользовался. Но радоваться было рано. Перед Киевским шоссе на Кольцевой транспорт сбил в затор. Машины не стояли и не ехали, то в одном ряду происходило некоторое продвижение, то в другом. Ерожин попытался выбрать ряд, но выбирать было не из чего. Водитель, продвинувшись на двадцать метров вперед, вставал, и его обгоняли из другого ряда. Ерожин решил не суетиться. На трассе он выиграл минут сорок, а теперь их потеряет... Петр взял телефон и позвонил домой.

– Девочка моя, я в Москве. Торчу в пробке на Кольцевой. Скоро буду.

– Ой, как хорошо, – обрадовалась Надя.

– Что хорошего может быть в пробке? – удивился Ерожин.

– Хорошо, что ты в Москве, глупенький. Я очень не люблю, когда ты далеко. А сейчас мы рядышком, – засмеялась жена.

Именно из-за Нади он тогда боялся начинать разговор в квартире на Фрунзенской набережной. Конечно, им владели чувства эгоиста. Правда о Фатиме больше всего могла ударить по супруге Аксенова, Лене. Ерожин застрелил ее дочку. Но из всех членов семьи, ставшей для подполковника близкой, Надя была ближе всех. Петр Григорьевич осознавал, что его рассказ сильно подействует, но что произойдет столько событий, он предвидеть не мог. Елена Николаевна замкнулась и ушла в себя. Она не плакала, не жаловалась, а как-то сжалась и перестала говорить. Если к ней обращались, она пыталась отвечать односложными словами. Марфа Ильинична, проникнувшись к невестке за дни их «заточения» в нахабинском доме удивительной симпатией, старалась Лену поддержать, доказывая, что рыжая Фатима – совершенно чужой и вредный для их семьи человек, убила жениха Любы, ранила мужа Веры.

– По крови она моя родная дочь. Если бы она росла с нами, я уверена, что преступницей никогда бы не стала, – ответила Елена Николаевна и больше на эту тему говорить не желала.

Люба сразу уехала в вологодскую деревню к родителям убитого Фони, чтобы там пережить и осмыслить выпавшее на семью горе. Аксенов-старший ушел в длительный запой. Надя, выслушав рассказ Ерожина, сделалась бледная как мел:

– Я заняла чужое место в жизни, – тихо проговорила она и исчезла.

Девушка имела отдельное жилье. Это была квартирka ее подруги. Подруга работала в институте иностранных языков, и ей удобнее было жить поблизости, у родителей на Гоголевском бульваре. Надя получила ключи и оплачивала коммунальные расходы. Адреса и телефона у Ерожина не имелось. Не то чтобы Надя их скрывала, просто в те дни было не до того. Когда отсутствие девушки стало слишком долгим, Ерожин заехал к Аксеновым и попытался узнать Надин адрес. Но Вера дежурила в больнице возле Севы, Люба уехала в вологодскую деревню, а Елена Николаевна помочь не смогла. Она попыталась полистать свои записные книжки, но безрезультатно. Ерожин поехал в ЦКБ. Отыскал там Веру и получил телефон Нади. Адрес Вера не знала. Телефон не отвечал. Тогда Ерожин по номеру, через друзей с Петровки, нашел и адрес. Квартира оказалась на Речном вокзале. Петр Григорьевич

несколько раз и в разное время приезжал туда, но ему не открывали, и признаков жизни за железной дверью он не слышал. Ерожин отыскал подругу Нади и вместе с ней поехал на Речной. Квартира оказалась пуста. Оглядев ее, Петр Григорьевич понял, что девушка туда в ближайшие дни не заходила. Тогда он решил заехать еще раз к Аксеновым. Для розыска невесты нужно было найти хоть какой-нибудь след. Петр Григорьевич надеялся отыскать ее записную книжку или письма друзей с обратным адресом. Но в доме Аксеновых его ждало неожиданное известие. Марфа Ильинична общалась с Надей несколько дней назад. Бабушка имела с внучкой телефонный разговор, но старая генеральша о нем забыла. Надя просила не волноваться за нее. Сообщила, что прекрасно проводит время, отдыхая у своих друзей. Ничего больше Марфа Ильинична сообщить не могла. Адрес друзей Надя не назвала.

Двадцать пять дней подполковник редко выходил из дома. Водки он не пил, нормально не ел, а сидел в кресле возле телевизора и смотрел все подряд, не понимая, что происходит на экране. Лицо Ерожина поросло щетиной и стало землистого цвета, глаза потухли. Прошло около месяца с момента исчезновения девушки.

Когда Надя, загорелая и отдохнувшая, позвонила в его дверь и Ерожин открыл, она его не узнала. Вглядываясь в изможденного старика, девушка решила, что не туда попала. Раньше она у Петра Григорьевича никогда не была, а адрес списала у афганца Батко, охранника отцовской фирмы.

– Я, наверное, ошиблась, – нерешительно проговорила Надя и хотела повернуть обратно, но вдруг заметила на поросшем седой щетиной лице сияющие ерожинские глаза.

Где пропадала Надя эти долгие дни, она не говорила, а он не спрашивал. Петр Григорьевич вспомнил их совместную ночь и грустно улыбнулся. Он вел себя как ребенок, прижимался к Наде до рассвета, словно боясь, что она исчезнет. С того дня они жили вместе. Ерожин начал есть за троих, сбрил щетину и через неделю вернул свою обычную форму, только в его белобрысом бобрике внимательный глаз мог заметить легкую седину.

Затор никак не рассасывался. Петр Григорьевич вглядывался вперед и скоро увидел причину задержки – искореженный «Москвич» и перевернутый «Мерседес». Кто-то из новых богатеньких, у которых шоферское мастерство заменяет наглость, пошел на обгон и не справился со скоростью. Сотрудники дорожной инспекции делали свои замеры. Рядом стоял реанимобиль, и свободным оставался лишь один ряд. В этот ряд, словно селедки в сеть, мешая друг другу, тыкались машины. Миновав затор, Ерожин с облегчением вздохнул и нажал на газ. Вдавлив затылок водителя в подголовник и обгоняя отечественную автотехнику, «Сааб» полетел по освободившейся трассе.

Первые две недели они с Надей жили как в раю. Обедали в кафе и ресторанах. Посетили балет. Катались по загородным усадьбам и музеям – счастливые оттого, что любят, и оттого, что вместе. Первой опомнилась Надя: надо навестить Севу. Они позвонили Вере на мобильный телефон. Вера звонку обрадовалась и попросила их приехать в больницу. Возле главного входа в ЦКБ она их встретила и провела к Кроткину. Сева занимал отдельную палату с ванной и телевизором. Но комфорт здоровью не помогал. Первая операция прошла неудачно, и теперь врачи пытались исправить свою оплошность. Сева мог лечиться за границей, но транспортировать его не решились. Пуля что-то зацепила в брюшной полости. Кроткин похудел и выглядел очень слабым. Вера подвинула кресла поближе к постели, и Ерожин с Надей уселись возле больного.

Ерожин вспомнил, как его потряс голос Севы. Кроткин говорил сиплым шепотом. После долгих фраз ему требовался отдых.

– Я хочу предложить тебе, Петр, работу. Без меня и Михеева фонд разваливается. Сейчас он в критической стадии. Бери руководство на себя.

– Я понятия не имею, как руководить фондами, – честно признался Ерожин.

– Мой Рудик тебе все объяснит. Можешь приезжать ко мне за советом, – медленно проговорил Сева, помолчал, отдыхая, жестом подозвал Веру и что-то тихо шепнул ей на ухо.

Вера взяла Надю за руку:

– Оставим их, пусть пошепчутся.

Когда женщины вышли, Сева достал из-под подушки электронную записную книжку и протянул Ерожину:

– Здесь все счета в швейцарских и американских банках и коды к ним. Есть еще только один дубль, и он тут, – Сева указал пальцем на свою голову и откинулся на подушку.

Так Ерожин принял руководство.

Свернув с Кольцевой на Варшавское шоссе, Петр Григорьевич через пять минут подкатил к своей башне в Чертаново. Лифт почему-то не работал. Он, словно мальчик, взбежал на шестой этаж и позвонил. Дверь распахнулась так, будто Надя давно держала ее за ручку. Ерожин ступил на порог и тут же оказался в объятьях. Надя прыгнула на него и повисла на плечах. Ерожин ногой захлопнул дверь и понес Надю в комнату.

– У тебя не очень много времени, – сказала она, стягивая с него рубаху.

5

Зоя Куропаткина шла домой походкой деловой и торопливой. Такой походкой после трудового дня спешит любящая жена и мать, чтобы успеть с ужином до прихода ненаглядного супруга и обожаемых деток. Еще неделю назад Зойка домой не рвалась. В тот четверг Куропаткина возвращалась с работы, позевывая и зыряка по сторонам, в надежде встретить кого-нибудь из знакомых гуляк. В руках она несла два пакета и сумку. В пакетах лежали полуфабрикаты. Десяток отбивных она предусмотрительно уперла из холодильника в подсобке. Чеченец Ходжаев, хозяин кафе «Русич», платил Зинаиде Куропаткиной сто долларов в месяц, и она считала своим долгом добрать с кавказца продуктом еще столько же. В пятницу за стойкой работала сменщица, и Зоя могла отдохнуть. Отдых на голодный желудок и без компании дородная блондинка считала пропавшим временем. Гостей Зойка тогда не ждала, а спать в одиночестве очень не любила. Дело было вовсе не в том, что Куропаткина страдала избыточным темпераментом. Если бы она могла смотреть на свою физиологическую природу с объективной непосредственностью, то давно призналась бы себе, что мужик в кобелином смысле ей вовсе не обязателен. Куропаткина по устройству организма была дама спокойная. Для того чтобы пробудить ее женскую суть, требовался тонкий и долгий подход. Но кавалеры Куропаткиной, в большинстве своем люди пьющие и не слишком эротически рафинированные, занимались с ней сексом торопливо и считали само наличие собственной потенции фактором похвальным и абсолютно достаточным. Спала с мужиками Зойка от желания избежать одиночества. Оставаться наедине с собственной персоной для нее было самым большим наказанием. Постоянного спутника женщина не имела, но желающих погреться у ее огонька хватало. Наличие спиртного и закуски в сочетании с объемными прелестями хозяйки делали светлицу Куропаткиной местом для гуляющего мужчины весьма привлекательным. Но в тот четверг охотников разделить с Зоей постель и шницель не намечалось. Раньше мог без предупреждения нагряться хозяин-чеченец. Но Ходжаев еще летом спутался с актрисочкой из городского театра. Та крутила ревнивым кавказцем как хотела, и чеченец боялся отойти от предмета своих чувств даже на вечер. Куропаткина измену пережила без трагедии. Ходжаев и раньше не был ей верен, а теперь его новая привязанность давала барменше моральное право переть из кафе больше прежнего.

Оглядевшись по сторонам и не приметив ни одного потенциального компаньона на вечер, Зойка решительно вошла под арку. Жила Куропаткина на первом этаже и вход в свое жилище имела не из общего парадного, а прямо из подворотни. Она поставила пакеты с

ворованным провиантом на порог и уже открыла сумочку, чтобы извлечь ключи, как кто-то набросился на нее сзади, прижал к двери и приставил к горлу леденящую душу сталь ножа.

– Пикнешь – прирежу, – услышала Зоя злой шепот и увидела рядом со своим лицом два темных бешеных глаза с желтоватым отливом.

Эти глаза она помнила много лет. Таких бешеных и шальных глаз больше Зоя не встречала. Их обладатель был одним из тех немногих мужчин, с которыми она в постели могла испытать нечто вроде удовлетворения.

– Кадик... – прошептала Куропаткина, и ее синие зрачки расширились и потемнели.

– Молчи, сука, и открывай, – приказал Эдик.

Зоя от волнения долго шарила в сумке. Наконец нащупала связку ключей, но не удержала и выронила в грязь у порога. Кадков поднял ключи, дождался, пока Зоя отопрет, и впихнул ее в прихожую.

– Свет не зажигай, – сквозь зубы процедил Эдик и запер дверь.

– Кадик, ты откуда? – спросила Зоя дрожащим голосом.

– Оттуда. Живешь одна или хахаля завела? – поинтересовался Кадков, стягивая с себя драную телогрейку.

– В каком смысле одна? – не поняла Куропаткина.

– В прямом, дура, – рявкнул Эдик. – В квартире одна проживаешь?

– Как всегда, Кадичка, – ответила Куропаткина, понемногу успокаиваясь.

– Ждешь кого? Или сегодня без х... решила обойтись? – продолжал допрашивать гость.

– Никого не жду. Давай свет зажжем. В темноте я тебя боюсь, – не без игривости в тоне сообщила Зоя.

– Целочка нашлась, – съязвил Кадков. – Без света обойдемся. Свечка есть?

Зоя, спотыкаясь в темноте, отправилась в туалет, открыла там стенной шкаф и на ощупь отыскала свечу.

– Нашла. Только спички в темноте не взять, – пробормотала Куропаткина, спотыкаясь и громыхая в потемках.

– Иди сюда, – прошипел Кадков и, пошарив в кармане брюк, извлек коробку со спичками.

Запалив свечку и пристроив ее на пол, гость огляделся и, заметив незастеленную широкую тахту, зыркнул жадным глазом на хозяйку:

– Жирная ты стала, как корова. Небось каждая сиська по пуду.

– Немного прибавила. Возраст, Кадичка. Ты меня сколько лет не видел? – спросила Зоя и кокетливо повела плечом.

Кадков ничего не ответил и начал молча раздеваться. Куропаткина стояла и смотрела, как гость сбрасывает с себя драную водолазку с грязными подтеками на груди, развязывает веревку, заменяющую ему ремень, словно змей из чешуи, выскальзывает из линялых и вытянутых на коленях брюк. Она вспоминала холеного и избалованного парня, а видела худого и корявого зверя. В тот четверг она вполне поняла, что значит отдаваться мужчине, который десять лет был лишен общения с противоположным полом. Кадков рвал на ней одежду, мля ее мощную грудь, таскал за волосы и ревел, словно раненый хищник. Сначала Зоя терпела, понимая, что если откажет, ее могут убить. Но постепенно дикая жадность любовника и женская память о прошлых встречах пробудили в ней женщину, и она начала отвечать на страсть Эдика. Мягкая, розовая и большая, Зоя вдруг ожила, и они сплелись, сцепились в жутком животном танце. Он брал то, чего был лишен в годы нар и лагерей, когда каждую ночь снилось обнаженное женское тело, и этот изнуряющий сон не отпускал и днем. Когда в разговорах и повадках таких же озабоченных и голодных самцов все время выплывало и тянуло навязчивое желание взять, прикоснуться, схватить или хотя бы вспомнить недоступную женскую плоть. И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год – бесконечные

десять лет. Все это теперь он наверстывал, сжимая мягкое и теплое тело. Когда Зое показалось, что Эдик уснул, она собрала его грязную одежду и хотела вынести ее на помойку.

– Ты куда? – зарычал Эдик.

– Мы завтра тебе получше подыщем, а эти тряпки я, Кадик, выброшу, – ласково объяснила буфетчица.

– Заверни и спрячь, они еще сгодятся, – гаркнул Кадков и, отвалившись к стене, захрапел.

На следующий день – в пятницу – они из дома не выходили. Кадков много ел и снова набрасывался на Зою. Уже не столь жадно, но упорно, деловито и настойчиво. До вечера Эдик с Куропаткиной почти не говорил. Ближе к ночи потребовал выпивки. Зоя извлекла из буфета бутылку коньяка и несколько шоколадок. Кадков не стал дожидаться, когда она достанет из серванта фужеры, а вырвал из рук Зои бутылку и начал пить из горла. Он залпом высосал треть бутылки, поставил остаток на пол и сказал:

– Мне нужны шмотки, ствол и немного капусты.

– Где ж я тебе возьму ствол? – удивилась женщина.

Достать одежду и деньги, еще куда ни шло... Но добыть оружие Куропаткиной было нелегко. Зоя знала нескольких уголовников в городе, могла она попробовать обратиться и к своему хозяину-чеченцу. Но тогда пришлось бы объясняться.

– Тряпки я тебе куплю в секунд-хенде. Лишних денег у меня нет, – пожаловалась Зоя, – а ствол, извини, Кадик, не по моей части.

– Бабки будут. Я тебе их полные трусы насыплю. Но до бабок надо добраться. Если Сонька раньше меня не добралась. А добралась – придется вернуть. Кадков со всеми, кто его засадил, разберется и свое возвратит.

Эдик замолчал, взял с пола бутылку, сделал большой глоток, поставил ее обратно и спросил:

– Знаешь, кто живет в бывшей квартире папаша?

– Какие-то шишки из областной думы, – ответила Зоя, и ей очень захотелось спросить Эдика об отце. Тогда весь город только и говорил об убийстве начальника потребсоюза, но Куропаткина промолчала. Эдик сам понял ее любопытство и отрезал:

– Дура, меня подставили.

В субботу Зоя работала в баре, а в воскресенье обошла магазины с гуманитарными тряпками и принесла Эдику брюки, куртку и длинное пальто. В понедельник Кадков, одетый в ее покупки, явился в кафе и там пообедал, прикупив от щедрот бутылку пива алкашу Виткину. Эдик хотел просидеть до закрытия, но в «Русич» зашел старший лейтенант милиции со своей подругой, и Кадков исчез. В этот вечер Эдик к Зое не вернулся, хотя Куропаткина выдала ему ключи. А на другой день она узнала, что старший лейтенант Крутиков, который сидел с девушкой в ее баре, убит. В бар заходил следователь Сиротин и спрашивал о Крутикове. Зоя рассказала о том, что милиционер у нее ужинал с девушкой. Но ничего подозрительного Куропаткина не заметила. Всю ночь Зоя не сомкнула глаз. Ей стало страшно. Но она все равно ждала Кадкова. Ждала до самого утра. Кадков не пришел и во вторник. Ночью Куропаткина несколько раз просыпалась. Ей чудилось, что кто-то стучит в окно. Но это был ветер. В среду Куропаткина сидела за стойкой. К концу работы, часов в одиннадцать, Зоя почувствовала, что Эдик вернулся.

Она поспешила домой, предварительно уперев из подсобки десять шницелей и курицу гриль. Кадков ждал Зою, не зажигая света. Она бабьим нутром почуяла, что в доме мужик, и, войдя в темную переднюю, позвала:

– Кадик, ты здесь?

– Чего орешь? Не в лесу, – ответил Эдик. – Запри дверь и можешь зажигать свет. – Он лежал на тахте, не раздеваясь. Грязные, в налипшей глине ботинки валялись посреди

комнаты. Зоя сняла пальто и понесла пакеты на кухню. Затем вернулась и, присев на краешек тахты и настороженно глядя в лицо Кадкова, спросила:

– Лейтенанта ты...?

– Не твоё дело, дура, – зло ответил Кадков и уставился в потолок. – Ты же ствол не нашла... Дай лучше пожрать.

Ночью Эдик до Зои не дотронулся. Он лежал с открытыми глазами. Зойка боялась уснуть. Сегодня это был совсем другой мужчина, холодный и пренебрежительный. Таким он казался и десять лет назад. Зойка была моложе, она и тогда отличалась некоторой полнотой, но то была полнота свежей пышечки. Эдик один раз привел ее к себе в холостяцкую квартиру, налил бокал шампанского и после этого лениво и нехотя раздел. Молодой, красивый и набалованный мужик произвел на влюбчивую девицу неотразимое впечатление. Но Кадков поддерживал с ней вялую связь в основном для интереса. То приходил клянчить денег, то требовал, чтобы она прихватила веселую подружку для приятеля. Потом его посадили.

Утром, с аппетитом уплетая киевскую котлету, Эдик внимательно оглядел Зою своими темными глазами с желтым отливом и сказал:

– Я у тебя поживу несколько дней, но если хоть одна б... узнает – тебе хана. У меня в городе долги остались, отдам, и больше ты меня не увидишь. За постой расплачусь по полной программе. Но ты должна кое-что для меня разузнать. – Эдик наклонился к уху Зои: – Адрес следователя, что вел мое дело. Адрес судьи, что меня судила. Должность и место работы деятелей, что прихватили папашкину квартиру. И хорошего ветеринара, который умеет быстро усыплять собачек. Поняла?

Зоя все поняла. Она с ужасом смотрела на своего сожителя и чувствовала, что влипла.

6

Генерал Грыжин решил отмечать свой уход на пенсию по-домашнему. Иван Григорьевич мог собрать не меньше сотни приятелей и сослуживцев, но решил ограничиться семейным кругом и провести торжество в собственной квартире. Днем в своем рабочем кабинете генерал устроил для коллег по министерству небольшой банкет: ящик армянского коньяка «Ани» и ящик мандаринов.

Все это секретарь Грыжина, Куликов, разложил в вазы и выставил на стол. Подчиненные замминистра с удовольствием выпили с начальником на прощание и, сказав Грыжину много слов, хороших и уважительных, преподнесли Ивану Григорьевичу для его дачи огромный медный самовар тульского завода с именной гравировкой на сверкающем боку. В конце рабочего дня в кабинет заглянул министр и, чокнувшись со своим уходящим замом, подмигнул:

– Загляни ко мне, перед тем как отвалишь.

Пока грузили подарок и цветы от разных отделов в казенную «Ауди», Грыжин зашел к теперь уже бывшему шефу.

– Зачем звал, товарищ министр? – спросил он для порядка. Иван Григорьевич прекрасно знал, зачем идет в высокий кабинет.

– Вот тебе мой презент. Все, что просил. Только запомни, Ваня, если мне что понадобится, пускай твой Шерлок свои дела в задницу засунет и меня без очереди...

С этими словами министр открыл дубовый шкаф и извлек оттуда папку натуральной кожи с тисненым гербом державы. Иван Григорьевич принял ее из рук министра, открыл, удовлетворенно хмыкнул:

– Порядок, генерал. Будешь первым клиентом.

– Надеюсь, не понадобится, – вздохнул министр и, разлив по полстакана французского коньяка, протянул один Грыжину.

Мужчины чокнулись, выпили, обнялись, и Иван Григорьевич с папкой под мышкой покинул шефа. Последний раз его доставлял домой водитель министерства. С завтрашнего дня генерал Грыжин – персональный пенсионер. В кармане генеральского кителя, надетого по столь торжественному случаю, Иван Григорьевич вез десять тысяч долларов, неофициальное выходное пособие, и новенькое пенсионное удостоверение. Деловые знакомые, в благодарность за оказанные некогда услуги, предлагали накрыть стол в любом ресторане. Но Грыжин не захотел.

– На хрена мне эта помпа! Сегодня выпью в семейном кругу, завтра попарюсь в баньке и съезжу на недельку с Галиной Игнатьевной на нашу дачу. Вот и весь праздник. Побуду как порядочный с супружницей, – подумал Грыжин.

Сын Николай с невесткой Машей ждали. Дочь Соня со своим артистом, как всегда, запаздывала. Еще Иван Григорьевич пригласил Аксенова с женой, да особенно не надеялся. До него дошли слухи – тезка запил и никуда не выходит.

Галина Игнатьевна редко видела мужа при параде и теперь, пока сын помогал водителю вносить в дом цветы и подарки, с гордостью оглядывала мощную фигуру супруга в орденах и нашивках:

– А ты у меня, Ванька, еще хоть куда. Гляди, молодуху не заведи. Отравлю ее, тебя и себя. Нет, пожалуй, только ее и тебя... Может, только ее. Тебя как-то жалко. Привыкла за тридцать лет.

– Ерожин не звонил? – поинтересовался Грыжин, не обращая внимания на «жуткие» угрозы миниатюрной жены.

– Звонил. Сказал, что уже дома. И что они с Надей выезжают. Сколько лет его Надьке? Не пятнадцать, надеюсь? Говорили, что молода для твоего Ерожина аксеновская дочка. Вот и запил твой друг с горя. – Сказав все это, Галина Игнатьевна, не дожидаясь ответа, засемила на кухню.

Грыжин снял китель, повесил его в гардероб и, усевшись в кресло, крикнул:

– Варька! Варька, оглохла, что ли, старая?!

Варвара Федотовна, вечная работница Грыжина, давно превратившаяся в члена семьи, вышла из кухни и, вытирая руки о передник, грозно спросила:

– Чего тебе? Сам старый хрыч. А я, может, еще и замуж пойду. Надоели вы мне...

Николай с водителем внесли кипу гвоздик и огромный короб с самоваром.

– Господи! Куды ж его девать?! – запричитала Варвара Федотовна, всплеснув руками. – Проходу в квартиру не осталось. Ты бы деньгами просил, Григория. Ну, куды нам эдокий кипятильник? У нас, чай, не вокзал!

– Здесь ни к месту, на даче сгодится, – сказал Грыжин и круговым движением провел ладонью по животу. – Ты, Варька, лучше лимончик нарежь, принеси мне стаканчик моего любимого.

– В столовую иди. Там стол накрыт. Вот только Сони нет, – ответила старая работница и, прихватив охапку гвоздик, отправилась на кухню резать лимон.

В дверь позвонили. «Сонька», – подумал Грыжин и, легко подняв с кресла свое грузное тело, пошел открывать. В дверях стояли Аксеновы. Лена держала в руках коробку с подарком, Иван Вячеславович – букет точно таких же гвоздик, что генерал привез из министерства.

– Ну, молодец! – расцвел Грыжин, принимая дары. – Небось Лену благодарить надо, что уважили старика?

– Нет, Иван Григорьевич, не угадал. Муж сам себя с утра набривал, намывал, все опоздать боялся, – ответила Елена Николаевна, пока Грыжин снимал с нее одной рукой пальто, а другой удерживал гвоздики.

Галина Игнатьевна успела переодеться в платье зеленого бархата, став похожей на маленькую экзотическую птичку, и вышла к гостям.

– Пришел мой голубчик, Аксенов. А говорят, ты пьешь мертвую, – заявила она тонким голосом, приподнимаясь на цыпочки и целуя Елену Николаевну.

Иван Вячеславович заметно смутился. На его бледном припухшем лице появился нездоровый румянец.

– Да ты не обижайся, мы же люди свои, – заметив смущение Ивана Вячеславовича, защелкала Галина Игнатьевна и повела гостей в комнаты. – Давайте начинать.

– Я без Петьки за стол не сяду, – твердо сказал генерал и, завернув на кухню, отправил в рот рюмку любимого коньяка, пососал приготовленный Варварой Федотовной лимон и вернулся к гостям.

Через десять минут явился Ерожин с Надей. Грыжин сам снял с молодой женщины кожаное пальто и, оглядев ее с ног до головы, проворчал:

– Хороша ты, краля, да тоща. Говорил я твоему, кормить надо. А он советом старого друга пренебрег.

Надя натянуто улыбалась сомнительному комплименту генерала. Она ждала встречи с Еленой Николаевной и Иваном Вячеславовичем. После того как Надя узнала, что Аксеновы ее приемные родители, она не могла заставить себя прийти на Фрунзенскую набережную. Девушке казалось, что там на нее станут смотреть по-другому. Надя не догадывалась, что и отец, и мать пришли на вечеринку к Грыжину, надеясь встретить там дочку.

Аксеновы беседовали с Галиной Игнатьевной и Николаем Грыжиными в гостиной. Елена Николаевна, услышав голос Ерожина, вздрогнула и медленно направилась в прихожую. Надя причесывалась и увидела маму в зеркальном отражении. Она повернулась и опустила расческу. Елена Николаевна остановилась. Так они и застыли. Первой не выдержала Надя. С криком: «Мамочка!» – она бросилась вперед. Елена Николаевна только успела развести для объятия руки. Мать и дочь прижались друг к другу. Грыжин с Ерожиным переглянулись и вышли из прихожей, чтобы не мешать встрече.

Наконец уселись за стол.

– Соньку ждать не будем. Она со своим артистом может и к ночи заявиться, – сказал генерал супруге и, оглядев стол хозяйским оком, насупился:

– Варьку не вижу.

– Варя на кухне, гуся стережет, – ответила маленькая генеральша, ревниво покосившись на пустой стул возле мужа.

Ревновала она Грыжина к Варваре Федотовне не как к женщине. Старая прислуга с этой точки зрения Галину Игнатьевну не тревожила. Просто уж очень многое связывало генерала с домработницей, потому что они были выходцами из одной деревни.

– Чего гуся стеречь? Теперь не убежит, – изрек Иван Григорьевич и гаркнул на всю квартиру: – Варька, за стол!

Когда Варвара Федотовна послушно заняла свое место, Грыжин поднял стакан: – Пока мы не на поминках, а только на проводах, давайте чокнемся и махнем по первой. Служил я, как мог. Дерьма людям Не делал, пора и честь знать.

Ерожину очень хотелось сесть рядом с Надей, но она так трогательно попросилась побыть с родителями, что он улыбнулся и сел напротив.

Когда закуским и тостам за столом потеряли счет, Грыжин встал:

– Айда, мужики, ко мне в кабинет, перекурим.

– Ты же пять лет не куришь? – удивилась Галина Игнатьевна.

– Сегодня я и пью, и курю, и... – Грыжин поглядел на Надю и решил не продолжать.

Мужчины направились в кабинет. Иван Григорьевич, перед тем как занять свой бескрайний письменный стол, открыл книжный шкаф, отодвинул том Толстого «Война и мир»

и, просунув в освободившееся пространство могучую ладонь, достал бутылку любимого «Ани».

– Вы, Иван Григорьевич, как разведчик. Везде тайники. Есть ли на свете такое место, где генерал Грыжин не хранил бы свой армянский коньяк? – развеселился Ерожин, наблюдая, как ловко генерал разливает янтарную жидкость по квадратным стаканчикам.

– Мы, Петька, сейчас махнем на брудершафт. Хватит мне «выкаты». Я больше не министр, и ты теперь мой начальник, – хитро подмигнув собравшимся, сообщил Иван Григорьевич.

– Я с удовольствием. Только насчет начальника не понял, – признался Петр Ерожин.

Генерал обнял его, и они, перекрестив стаканы, выпили до дна. Сын Грыжина и Аксенов поддерживали друзей, но Иван Вячеславович только пригубил. Он весь вечер почти не прикасался к спиртному. Все присутствующие это отметили и тактично воздержание Аксенова не комментировали.

– Не понял насчет начальника? Это ничего, – крикнул генерал, расцеловавшись с Ерожиным и понюхав рукав рубахи вместо закуски. – Сейчас поймешь. – Грыжин выдвинул ящик своего стола и торжественно извлек из него кожаную папку с гербом России. Открыл и поманил пальцем Ерожина: – Сам будешь читать, или мне зачесть официально?

– Как хочешь, Иван Григорьевич, – переход на «ты» произошел в сознании Ерожина без неловкости. Про себя он давно называл генерала батькой.

– Я бы зашел, да очки в кителе остались. Не думайте, Грыжин не пьян, глаза подводят.

Особенность оставаться трезвым вне зависимости от количества злополучного «Ани», выпитого генералом, все знали. Петр Григорьевич взял папку и быстро пробежался по тексту. Перед ним лежала лицензия на право открыть частное сыскное бюро. Ерожин с удивлением прочитал свою фамилию, имя и отчество.

– Ну теперь понял? Не забудь, обещал должность консультанта, – пробасил генерал на вопросительный взгляд Ерожина.

– Значит, это серьезно? – тихо сказал Петр Григорьевич.

– Серьезно, подполковник. Генерал Грыжин слов на ветер не бросает. Я, Петька, да и всем вам скажу, еще бы годков пять поработал. Но там, наверху, такое пошло... Когда наш министр обороны пообещал чеченцев в один день усмирить, тут я уж и совсем понял: надо линять. Вот теперь пойду к Ерожину в помощники. Читайте бумагу, здесь все свои. Петька за годы мне как сын стал. Колька фамилию мою носит. А ты, Аксенов, Ерожину за тестя. Выходит, в моем кабинете собралась семейная команда. Секретов нет.

Аксенов и Николай Грыжин прочитали лицензию и пожалели Ерожину руки. Грыжин снова разлил коньяк. Аксенов взял свой стакан. Все поняли, что Иван Вячеславович хочет что-то сказать.

Он оглядел присутствующих и тихо начал:

– Дела запустил. Зарплату сотрудники не получают. Извини меня, Петр Григорьевич, и тебе за два месяца задолжал. Горе меня качнуло, но не сломало. Все думают, что я из-за дочки. Признаюсь вам, причина сложнее. Не тяну я фирму. Молодые шустрят. Времена изменились, и моего ума мало. Вот и запил. – Аксенов замолчал и залпом осушил свой стакан.

– Ммм-да, – промычал Грыжин. – Выходит, и ты на пенсию запросился.

– Рано мне. Еще семь лет осталось. И как на пенсию дом содержать? – вздохнул Аксенов и полез в карман за «Ротмансом».

– Возьмите меня замом, – предложил Николай Грыжин.

– Аксенов, а что, попробуй. Он уже не пацан. Глядишь, и поможет, – поддержал генерал сына.

Аксенов улыбнулся:

– С радостью. Про твоего Николая наслышан. А предложить ему в голову не пришло.

– Тогда, мужики, по рукам и к столу. Бабы одни скучают. – Грыжин посмотрел на оставшуюся часть коньяка, упрятал бутылку назад в тайник и, прикрыв ее томиком Толстого, распахнул дверь кабинета.

Дочь Соня со своим артистом до отца в тот вечер так и не добрались. Одевая Надю в прихожей, Ерожин отметил, что Елена Николаевна Аксенова умоляюще на него поглядывает. Смысл ее взгляда подполковник понял, когда Надя, счастливая и разругавшаяся, шепнула:

– Петя, давай сегодня у родителей переночуем. Мама тебя просит, и папа тоже.

Они ехали по ночной Москве. Ерожин сидел возле Петровича, а сзади, тихо рассказывая семейные новости, обнимали дочку супруги Аксеновы.

Ночевать на Фрунзенской набережной Петру Григорьевичу раньше не доводилось. Он смотрел в окно и улыбался. Чувство большой семьи, членом которой он стал, наполняло его душу новым незнакомым ощущением. В руках Ерожина лежала кожаная папка с гербом России, в которой хранилась лицензия на его дальнейшую жизнь.

7

Новгород спал. Редкие окна домов светились в этот ранний час. На опустевших улицах кошки чувствовали себя по-хозяйски спокойно и, задржав хвосты, важно переходили мостовую. До позднего осеннего рассвета оставалось часов пять. В тишине центральных кварталов издали слышался шум мощных двигателей, и колонна из трех автомобилей с большой скоростью промчалась мимо кремля, свернула за гостиницу «Интурист» и, не выключая дальнего света фар, влетела во двор шестизэтажного дома. Этот дом, выстроенный полвека назад в стиле добротной сталинской архитектуры для местного начальства, отличался от основного послевоенного жилого фонда многоэтажностью. Автомобили, не глуша моторов, замерли возле подъезда, и из них никто не выходил.

В головном джипе сидели трое. Молодой бизнесмен Подколезный, он же и водитель, рядом заммэра Больников: Сзади развалился и потягивал из фляги смесь собственного изготовления уголовный авторитет по прозвищу Храп. В пятнадцатой «Ниве», уткнувшейся в задний бампер джипа, находились двое стражей порядка города: бессменный начальник областного Управления внутренних дел полковник Семягин и руководитель налоговой полиции Сметанин. «Нива» принадлежала главному сборщику налогов, он и восседал за рулем. В замыкающем «Лендровере» громко играла музыка, от которой морщился директор плодово-овощной базы Гольштейн, дремал, невзирая на шум, проректор педагогического института Осьмеркин, и покачивался на водительском сиденье в такт ритму молодой любитель музыки сын Осьмеркина Виталий.

Все мужчины, за исключением Гольштейна, оделись в камуфляжные костюмы и имели при себе дорогие охотничьи ружья, убранные до времени в чехлы и футляры. Гольштейн шутил, что должен же быть в городе хоть один еврей-охотник и, видимо, для того, чтобы все же отличаться от товарищей, напялил на себя два шерстяных спортивных костюма и телогрейку сверху.

Прошло несколько минут. Бизнесмен Подколезный покосился на электронный светящийся прибор, пунктирно отсчитывающий время на панели его джипа. Прибор показывал четыре ноль три. Это было на три минуты больше назначенного. Ровно в четыре утра из дома, возле которого не выключая свет и не глуша двигатели, замер автокортеж, к ним обещал присоединиться депутат областной думы Звягинцев. Вчера в пятницу на вечернем заседании решался вопрос о приватизации немалого участка леса, ранее принадлежавшего лесхозу. Нудная и не очень вразумительная, а главное, долгая речь Звягинцева подействовала, и вопрос о лесе был решен в пользу бизнесмена Подколезного. Депутаты не любили

под выходные слишком задерживаться и проголосовали быстро. Молодой бизнесмен, кроме патронов, пороха и других необходимых для охоты причиндалов, вез в своей сумке две тысячи долларов в качестве гонорара для депутата.

Прошло еще пять минут. В «Лендровере» открылась задняя дверь, и директор плодово-овощной базы бочком выбрался на свежий воздух и, пританцовывая, подошел к пятидверной «Ниве».

– А что, если наш дорогой народный избранник проспал? – спросил он у Семягина и, не получив вразумительного ответа, засеменил к джипу. Там он свой вопрос повторил дословно, прибавив готовность лично подняться и пробудить депутата.

– Не мельтеши, – приспустив кнопкой окно джипа, изрек Храп и вернул стекло на место.

– Понял, – кивнул Гольштейн и вприпрыжку вернулся в «Лендровер».

Прошло еще несколько минут.

– Почему стоим? – поинтересовался проректор Осьмеркин, прерывая дрему.

– Звягинцев дрыхнет, – ответил сын, на секунду приглушив грохот музыки.

Наконец не выдержал начальник областного управления. Полковник посмотрел на свои часы, выбрался из машины и, подойдя к старому тополи, медленно расстегнул ширинку. Мужчины из других машин последовали его примеру. Увлажнив дерево, охотники устроили небольшой совет.

– Кто пойдет? – спросил молодой бизнесмен, оглядывая компанию.

– Вот он предлагал, пусть и чешет, – медленно и с тайным значением предложил уголовный авторитет. Гольштейн не отказывался, но выразил желание иметь попутчика.

– А стоит ли будить? Может быть, депутат решил выспаться, – почесывая плешь, раздумчиво проговорил Осьмеркин.

Сам он ездил на охоту исключительно, чтобы избежать семейных радостей уикенда. Страшнее похода под ручку с супругой в гости или на концерт проректор считал только приемные экзамены.

«Как бы не так, выспаться!» – подумал молодой бизнесмен. Зная жадность Звягинцева, представить, что тот упустит случай получить две тысячи зеленых, бизнесмен не мог. Вслух же Подколезный высказал мысль, что без депутата ехать нечего. Лицензию на отстрел двух сохатых избранник народа выбил, используя служебное положение, и держал при себе.

Будить опоздавшего отправились двое: Осьмеркин, как бывший начальник Анатолия Захарыча Звягинцева по институту, и Гольштейн. Оставшиеся мужчины закурили. Храп предложил хлебнуть из фляги коктейля его рецепта:

– Погрейтесь, мужики. Напиток нормальный, «храповкой» корешки называют.

В окне на первом этаже приоткрылась форточка, и послышался остервенелый собачий лай, затем раскрылось и окно. В окне возник престарелый житель дома в пенсне и с бородкой клинышком. Он прищурился, пытаясь разглядеть возмутителей спокойствия, и неожиданно взвизгнул тонким голосом:

– Ночь. Хамы! Хоть бы моторы свои заглушили.

– Давай старичка вместо сохатого замочим, – предложил Храп и, весьма довольный собственным остроумием, хохотнул.

– Только скандала тут не хватало, – поморщился заммэра Больников и подумал: «Не дай Бог, Старозубцев признает мою персону, потом в газету пропишет». Склонного городского общественника заместитель мэра знал и побаивался. Тот часто ходил на приемы выбирать деньги на ремонт совершенно бесполезных, с точки зрения Больникова, учреждений, вроде разваливающегося библиотечного здания и, пользуясь демократическими преобразованиями, с остервенением поносил новую власть.

– Нечего, мужики, зря бензин жечь, да и люди спят, – тихо, чтобы не быть узнанным по голосу, попросил заместитель городского головы.

Водители нехотя побрели к машинам и заглушили двигатели.

Гольштейн и Осьмеркин вернулись. Лица их выражали крайнее недоумение.

– Никто не открывает! – развел руками Гольштейн. – Мы уж и звонили, можете себе представить как? А господин проректор позволил себе постучать каблуком. Не верю, что можно спать так крепко.

– Мы трезвонили, трезвонили, а там тишина, – подтвердил проректор.

– Может, он вчера на ночь «позволил»? – предположил руководитель налоговой службы. Сметанин не забыл, как месяц назад его не смогли разбудить на работу.

– Ну, знаете. Он может, и «позволил», но супруга... – возразил директор базы.

Охотники решили идти всем миром. Предварительно, заперев машины с дорогими ружьями в салонах, они всей компанией ввалились в подъезд и пешком поднялись к квартире Звягинцева. Нехорошее предчувствие овладело Семякиным. Десять лет назад именно в этой квартире убили директора потребсоюза. На продолжительные звонки никто не открывал. Тогда мужчины стали что есть силы колотить ногами. Двери соседних квартир открывались, и из них выглядывали возмущенные жильцы. Но увидев компанию в камуфляжной форме, моментально исчезали. Неожиданно Гольштейн взялся за ручку и потянул. Железная дверь бесшумно открылась. Мужчины переглянулись и вопрошающе уставились на полковника. Семякин на мгновение задумался и шагнул в темную прихожую. Сделав два шага в глубину, полковник споткнулся обо что-то мягкое, попятился назад и стал шарить рукой по стене в поисках выключателя.

Вспыхнувшая люстрочка осветила прихожую и холл. Возле самой двери лежала женщина в домашнем халате из оранжевого плюша. В глубине коридора застыло прислоненное к стене безжизненное тело народного депутата областной думы.

Мобильный телефон оказался только у молодого бизнесмена. Подколезный протянул полковнику трубку, тот дрожащей рукой набрал номер дежурного.

– Срочно группу. Двойное убийство. Все по полной программе, – приказал начальник управления.

– Охота отменяется, – подытожил молодой бизнесмен. Мысль о том, что две тысячи долларов останутся при нем, радости не принесла. Подколезный принадлежал к тем редким исключениям в мире бизнеса, для которых деньги служили лишь фишками в азартной игре.

8

Таня Назарова плакала ночью. Утром она умывалась холодной водой, брала себя в руки и садилась завтракать. За трапезой новгородская тетушка Анна Степановна пыталась втолковать девушке ветви семейного древа. Таня терпеливо выслушивала историю судеб совершенно незнакомых ей людей и думала о Крутикове. В своих мыслях она чаще всего возвращалась к их последнему свиданию. Таня вспоминала все до мельчайших подробностей, его взгляды, слова, прикосновения. «Так и не успел прочесть мне свое любимое стихотворение Есенина...» Почему-то именно этот момент вызывал у младшего лейтенанта покраснение глаз и позыв к рыданиям. Таня отыскивала на книжных полках тетки томик поэта и много раз про себя повторяла строки: «Заметался пожар голубой, позабылись родимые дали...» В конце завтрака Таня говорила, что все было очень вкусно и очень интересно, одевалась и, выйдя из дома, шла к автобусной остановке, стараясь не глядеть в сторону мусорных контейнеров, где пенсионер Васильев обнаружил тело Сергея.

Прошла неделя со дня похорон, но первое настоящее горе не отпускало сердце девушки. Таня возвращалась с работы пешком, проходя по тем улицам, где они шли вместе,

и слезы порой сами собой капали из ее глаз. Сегодня она заглянула в кафе «Русич». Там в последний день жизни Сережи они отмечали свой маленький юбилей. Таню озадачил испуганный взгляд буфетчицы. Назаровой показалось, что женщина чего-то боится.

«Может быть, знает больше, чем сказала следователю. – Назарова подала рапорт, где расписала по минутам вечер, проведенный с Сергеем, и Сиротин допросил хозяйку кафе. – Хорошо бы установить за этой бабой наблюдение», – думала Таня, поднимаясь на второй этаж. Ужинать девушка не хотела, но, чтобы не обижать Анну Степановну, послушно уселась за стол. Тетка по обыкновению свела разговор к воспоминаниям о родственных связях. Таня пила чай и не могла отделаться от испуганного взгляда буфетчицы. Сославшись на усталость, ушла в свою комнату и, взяв томик Есенина, улеглась на тахту. Стихотворение «Заметался пожар голубой...» младший лейтенант давно помнила наизусть. «Был я весь – как запущенный сад, был на женщин и зелье падкий...», – прошептала она и грустно улыбнулась. «Дурачок. Какие женщины? Какие зелья?! Сережа оставался еще совсем чистым мальчишкой. От смущения он даже не знал, куда деть свой табельный пистолет. И если бы не она, так и остался бы в брюках». Таня вытерла глаза, потушила свет и уснула. В пять часов утра ее разбудила тетка:

– Танюша, тебя к телефону. Проснись, милая.

Назарова вскочила в ночной рубашке, спотыкаясь и протирая еще спящие глаза, бросилась к аппарату.

– За тобой вышла машина. У нас двойное убийство и много работы, – услышала она в трубке голос Суворова.

Сидя рядом с водителем и глядя в окно, Назарова пыталась проснуться и настроиться на дело. По свободному от автотранспорта ночному городу домчались быстро. Не прошло и пяти минут, как они въехали во двор шестиэтажного кирпичного дома. Возле парадного стояли две машины управления, и дежурил сержант Карпов. Он и кивнул ей, показывая, что надо идти вверх. В квартире, кроме Виктора Иннокентьевича Суворова, работал майор Сиротин, – следователь по отделу раскрытия убийств, судмедэксперт Горнов и фотограф Костя.

– Приступай, – сухо скомандовал Суворов, едва поздоровавшись.

– С чего мне начать? – немного растерялась Назарова, поскольку опоздала.

– С карманов, – отрезал Виктор Иннокентьевич, ковыряя следы глины на ковровой дорожке.

Таня натянула перчатки и наклонилась к убитой. В огромном кармане плюшевого халата хранилась резинка от бигуди, скомканный носовой платок и упаковка таблеток анальгина. Таня осторожно уложила каждую находку в пакетик, записала в блокнот и перешла к хозяину. Тело депутата застыло в полусидячем положении. Фотограф Костя, самый молодой из команды, делал снимки, и от его вспышки у девушки зарябило в глазах. Возле Звягинцева возился медэксперт. Она дождалась, когда Горнов закончит, и, опустившись на колени, принялась за карманы. Только наружных на домашней куртке депутата Назарова насчитала пять. В левом боковом она обнаружила с десяток зубочисток. В правом – недоеденную, но завернутую в фантик конфету «Мишка» и очки. В нем же оказался помятый клочок бумаги. Таня расправила бумажку и увидела короткую надпись черными чернилами. Записка явно была не закончена. Назарова старательно занесла в блокнот имеющийся текст и убрала бумажку в пакетик. Под башмаком Звягинцева Таня заметила гильзу.

– Молодец, – похвалил Виктор Иннокентьевич: – Вторая. Первую я прихватил.

Младший лейтенант покончила с карманами. Больше в них ничего не оказалось. Суворов тем временем перебрался на кухню.

– Подойди сюда, – крикнул он. Назарова спрятала пакетики в чемодан и подошла к патрону.

– Смотри, любопытная бутылка, – сказал Суворов. Он обрабатывал большую пластиковую бутылку от «спрайта». – Отпечатков полно. Видишь, на столе два стакана, на них отпечатков нет. И еще. По расположению «пальчиков» на бутылке содержимое пили прямо из горла. Зачем тогда стаканы?

– Не знаю, – призналась Таня.

– И я не знаю, – : сказал Виктор Иннокентьевич, пряча бутылку в большой пакет. – Ладно, иди поработай с одеждой...

Таня занялась спальней. Никаких признаков грабежа в комнате не наблюдалось. В шкафы убийца не заглядывал. Костюмы и многочисленные платья супруги народного избранника висели на своих местах. Лишь в кабинете хозяина на кресле валялись куртка и брюки камуфляжного костюма. Но Назарова уже знала, что Звягинцев собирался на охоту. Скорее всего, эти вещи на кресло выложил он сам. Не позарился преступник и на дорогое двухствольное ружье. Такое оружие с бельгийским клеймом «три кольца» стоило немалых денег. Лишь отсутствие швейцарских карманных часов «Ориент» на руке убитого и в его кабинете наводило на подозрение, что часики убийца прихватил. Денег и ценностей супруги дома не держали. Они по новой моде пользовались банковскими карточками. Эти карточки вместе с документами Таня обнаружила в ящике письменного стола. По картине в квартире можно было заключить, что убийца пришел свести счета с хозяевами, и вещи его мало интересовали.

Закончили осмотр места происшествия лишь к утру.

– Если устала, чеши домой, – предложил Суворов. – Если жива, поедем в лабораторию. Работы невпроворот.

– Конечно, в лабораторию, – твердо заявила Назарова.

К полудню поступили первые данные от баллистов. Гильзы принадлежали табельному ПМ старшего лейтенанта Крутикова. А судмедэксперт Горнов дал заключение, что оба убитых скончались от огнестрельных ран.

Днем в городе произошло еще одно ЧП. В своей квартире была избита неизвестными Александра Митрофановна Моторина. До пенсии пострадавшая работала народным судьей, но уже два года находилась на заслуженном отдыхе. Суворов попросил Таню отвлечься и поехать с группой на место происшествия. Сам криминалист отрываться от работы в лаборатории не хотел. В двухкомнатной квартире пенсионерки все было перевернуто вверх дном. Но больше всего поразила Назарову старательность преступника или преступников в злонамеренной порче мебели и предметов быта. Грабители сломали все, что можно было поломать. Они изувечили настольные лампы, выдрали с потолка люстры и светильники, вдребезги разнесли телевизор, изгадили одежду и сломали платяной шкаф. Таня даже подумала, что здесь поработали психически нездоровые люди. Следователь Тамара Ивановна Брюханова обошла соседей по лестничной клетке. Но в рабочее время лишь в одной квартире сидела глуховатая бабка и ничего не слышала. Остальной народ находился на службе. Брюханова дотошно проследила, чтобы в протоколе все точно отразили. На запись последствий погрома пришлось потратить три часа. Следов или отпечатков Таня не нашла. Искать улики при таком хаосе задача еще та. Но Назарова осмотрела ножки разбитых стульев, за которые нельзя было бы не взяться, перед тем как шмякнуть стул об стену, остатки настольной лампы, осколки посуды – «пальчиков» не оказалось. «Идиотики не станут надевать перчатки», – засомневалась Таня в своей версии о ненормальных.

Хозяйку квартиры Моторину отвезли в больницу с сотрясением мозга. В палате женщина пришла в сознание и сообщила, что нападавших не видела. Ее ударили сзади, когда она, вернувшись из магазина, отпирала дверь. Определить без хозяйки, что из вещей пропало, следствие затруднялось. Таня вернулась в лабораторию в половине пятого. Возле Суворова сидел судмедэксперт Горнов. Мужчины пили чай.

– Присаживайся, Танюша, – пригласил Суворов. – Что там у пенсионерки?

– Сущий бедлам. Такого погрома я никогда не видела, – призналась Таня.

– Ну и денек, – пожаловался медэксперт. – У тебя погром, а у меня старичок-ветеринар Галицкий от неизвестного яда концы отдал. Только со Звягинцевыми расхлебался. Теперь с ним возись.

– Дедушка покончил с собой? – поинтересовалась Назарова. Стариков она жалела, а всех ветеринаров по детской памяти считала Айболитами.

– Похоже. На руке еле заметный след шприца. Перед смертью Галицкого сильно тошнило. Яды у него были разные. Животных иногда приходится усыплять. У старика брат в Швеции живет. Тоже ветеринар. Вот и снабжал родственника заграничными зельями. А нам теперь голову ломать. Мы тоже со следователем Брюхановой работали. Ей показалось странным, что Галицкий решил утром травиться. У него на день два приема были назначены. – Горнов допил чай и, выложив на стол заключение о смерти депутата Звягинцева, ушел. Сразу за ним в дверях возник Сиротин. Майор чихнул и уселся на табурет посередине комнаты. Дождавшись, когда его красноречивое молчание будет замечено, следователь сказал:

– Нужна помощь.

– Мы и так делаем все, что можем, – устало ответил Суворов. – И кое-чем уже готовы с тобой поделиться.

– Валийте, делитесь, – изрек Сиротин совершенно безразличным тоном, будто все ему до лампочки.

Суворов не обратил внимание на тон следователя и начал перечислять предварительные соображения по делу.

– Судя по гильзам, застрелены оба из пистолета Макарова, похищенного у убитого старшего лейтенанта Крутикова. По тексту записки, найденной в кармане депутата, можно предположить, что в доме ждали незнакомого человека. На бутылке «спрайта», обнаруженной на кухне, имеются отпечатки пальцев, не принадлежащие хозяину. Однако происхождение этих отпечатков у меня вызывает сомнения. Вот медицинское заключение Горнова. Время убийства известно. Пока все. Выводы делай сам.

– Все? – переспросил Сиротин и брезгливо протянул Суворову пакет.

– Что это? – не понял Виктор Иннокентьевич.

– «Макаров» Крутикова, – усмехнулся майор.

– Откуда? – удивился Суворов.

– Странная история. Мне выдали анонимный звонок. Женский голос сообщил, что важная улика по делу об убийстве депутата областной думы находится в раздевалке боксеров на стадионе «Вымпел». – Майор достал платок, основательно высморкался. – Я поехал на стадион и в указанном месте нашел «Макарова».

– Тебе надо лечиться. Все управление перезаразишь, – сказал Суворов, отметив красный нос и подпухшие веки Сиротина.

– Кто мне даст сейчас болеть?! Депутата убили! В приемной толпа писак. Начальничек наш пьет сердечные капли. Мэр звонит каждые полчаса, – пожаловался следователь.

– Ты просил о помощи, – напомнил Суворов.

– Проверь на отпечатки, – Сиротин, кивнул на пакет с пистолетом.

– Это моя работа, майор, – ответил Суворов.

– Знаю, помощь мне нужна в другом. Раздевалкой спортзала пользуются десять спортсменов. Вот их список и расписание тренировок. Нужно незаметно снять отпечатки с каждого. Я бы попросил заняться этим нашу милую стажершу. Девушку в городе не знают, она не вызовет подозрений. Конечно, нужна некоторая выдумка и так далее. Но я надеюсь на Танюшу. На ее молодой энтузиазм... – Сиротин чихнул и снова полез за платком.

– Если Виктор Иннокентьевич не против, я постараюсь, – ответила Назарова.

Суворов не возражал и, когда следователь вышел, углубился в список фамилий спортсменов. Внезапно лоб и губы криминалиста побелели. Он встал, взял со стола графин и, налив себе полстакана, выпил воду залпом.

– Что с вами, Виктор Иннокентьевич? На вас лица нет, – вскрикнула Таня и бросилась к своему наставнику.

– Все нормально, Танечка. Ночь не спал, вот и результат. Сейчас приду в себя, – ответил Суворов.

– Разрешите ехать на стадион? – спросила Таня.

– Сначала намечают план работы, потом его реализуют. Изучи список. Выпиши время тренировок каждого. С каждым по одиночке удобнее работать, – посоветовал Суворов.

– Конечно, – согласилась Таня и покраснела от своей оплошности.

Взяв список, она достала из чемоданчика рабочий блокнот и уселась за стол. В списке указывалось десять фамилий, и перед каждой стояло время занятий и день недели. Назарова углубилась в перечень спортсменов и стала переписывать их в свой блокнот... «Десять тридцать – Павел Гуртов, Вячеслав Соболев. Одиннадцать сорок – Евгений Пятаков, Руслан Каримов, Георгий Зотов. Тринадцать – Александр Гуляев, Семен Волков, Михаил Рабинович. Семнадцать сорок – Николай Волгин, Григорий Ерожин».

– Виктор Иннокентьевич, ребята занимаются втроем или попарно, – пожаловалась Таня, покончив со списком.

– Вот и проявляй выдумку и молодой энтузиазм, – посоветовал Суворов. – А я займусь «пальчиками» на пистолете.

– Хорошо, попробую, – пообещала Таня и встала из-за стола. – Вы знаете, где находится стадион «Вымпел»? – спросила Назарова, одевая плащ.

Суворов прекрасно знал весь город, а стадион досконально. До женитьбы он все свободное время проводил как болельщик.

– Сядешь на восьмой автобус и на пятой остановке сойдешь, – сказал он Тане и принялся за пистолет.

9

Ерожин проснулся на незнакомом ложе. Плотные шторы создавали полумрак, и трудно было понять, что творится на улице. Петр Григорьевич бессознательным жестом протянул руку в глубины постели и потрогал одеяло. Нади рядом не было. Он резко приподнялся и, облокотившись на подушку, попытался разглядеть комнату. Вспомнив, что ночует у Аксеновых, потянулся и спустил ноги с кровати. Дверь раскрылась, и что-то большое и мягкое накрыло Ерожина.

– Папа презентовал тебе халат, – сообщила Надя и распахнула шторы.

Петр Григорьевич сорвал с головы махровую ткань халата и зажмурился. Низкое осеннее солнце ослепило подполковника. Надя засмеялась и, заслонив ему глаза ладонями, чмокнула в губы:

– Умывайся, и к столу. Все тебя ждут.

Завтрак проходил в торжественном молчании.

Казалось, что мать, жена и дочери Аксенова не могут поверить в его трезвость и бояться это чудо сглазить. Люба и Надя, со значением переглядываясь, раскладывали по тарелкам традиционную овсянку. Иван Вячеславович, побритый и подтянутый, спокойно отправлял в рот ложку с кашей, не замечая торжественной тишины вокруг своей персоны. Ерожина эта ситуация развеселила, и он громко заржал. Сначала лица женщин выразили растерянность, потом они тоже несмело заулыбались, а Надя и Люба еще раз переглянулись и залились звонким смехом. Аксенов перестал есть, обвел взглядом сидящих за столом и заготовил сам.

– Поесть спокойно не дадут, – с трудом удерживая хозяйскую серьезность, проворчала генеральша.

Иван Вячеславович налил себе кофе и сказал Ерожину:

– Петр, никогда не представлял тебя шутником.

– Разве я шутил? – удивился Петр Григорьевич.

– Это вы, Иван Вячеславович, так долго шутили, что всех запугали насмерть.

– Не надо об этом, Петя, – попросила Надя, погладив своей ладонью руку Ерожина.

– Не бойтесь. Спиртного в рот не возьму, пока фирма на ноги не встанет. Кстати, у нас днем совещание. Будем Николая Грыжина в курс дела вводить. А ты, Петр, наверное, не сможешь больше у меня работать. Свое дело начинаешь?

– Пока Сева не поправится, не потяну, – признался Ерожин и, поглядев на большие напольные часы в генеральской столовой, заторопился. – Простите, но у меня сегодня две встречи. Опаздывать не имею права.

– погоди, Петр. Подождут дела, – заявила Марфа Ильинична, со звоном поставив свою чашку на блюдце. Ерожин было приподнялся, но уселся снова. Все с интересом ждали, что собирается сказать Марфа Ильинична.

– Спальню свою ты в нашем доме уже завел, а отношения с внучкой оформлять собираешься? Что-то я не пойму, то ли ты нам родня, то ли сослуживец сына? – заявила вдова.

– Жена, покажи бабушке паспорт, – улыбнулся Ерожин и, протерев губы салфеткой, поднялся из-за стола.

Надя, проводила Ерожина до прихожей, потерлась на прощание об его щеку и, весело подмигнув, отправилась в комнату за своей сумочкой.

По дороге в бизнес-центр на Красной Пресне, где намечался обед с австрийцами, мелодично запел мобильный телефон, и в трубке послышался бас Грыжина:

– Петро, я для тебя офис присмотрел. Ты когда освободишься?

– Григории, я-то думал, ты в бане или на даче? – удивился Ерожин, напомнив генералу о планах «на недельку махнуть за город».

– Да на хрена мне эта дача! А после того как помещение примешь, можно и в баньку сходить, – предложил генерал. – Я уже сегодня без дела на стену лезу, а ты говоришь недельку...

– Еду на обед с австрийцами. Как освобожусь – отзовую, – улыбнулся Петр Григорьевич, представив мающегося дома Грыжина.

– Смотри не отравись иностранной жратвой, бизнесмен хренов, – предостерег генерал.

В белом зале ресторана русской кухни,ковыряя вилкой блины с икрой, Ерожин смотрел на аккуратно выбритых, внешне очень доброжелательных австрийских бизнесменов и думал: «Скорее бы господин Кроткин вернулся в свой рабочий кабинет».

Усевшись в «Сааб», Петр Григорьевич откинулся на подголовник и замер. Ныли мозги. Все, что приходилось делать новоявленному директору фонда, подполковника раздражало. Раздражали и места, где назначались переговорные встречи и обеды, если это можно назвать обедами. Потому что есть на таких раутах было затруднительно. Станный искусственный мир, вроде огромного аквариума бизнес-центра, оставался для следователя Ерожина чужим и тоскливым. Он вспомнил эрзац-деревья с пластиковыми листиками, прозрачные стаканчики лифтов, бесшумно парящие под стеклянными сводами, эти навороты из металла, стекла и пошлости, и захотел домой к Наде. После командировки они почти не были вместе. В квартире родителей Надя стеснялась, а на вечере у Грыжина им даже не удалось посидеть рядом.

Петр Григорьевич вспомнил о звонке генерала и достал свой мобильный телефон.

– Знаешь театр «Современник» на Чистых прудах? – спросил Грыжин и, не дождавсь ответа, начал ворчливо объяснять, как доехать до места.

– Да я знаю, Иван Григорьевич. Дороги забиты, минут через тридцать доберусь, – пообещал Ерожин и вырулил со стоянки бизнес-центра.

Оставив машину возле «Современника», он вышел к проезжей части и по привычке стал высматривать «Ауди» замминистра. Но Грыжин пришел пешком.

– Привет, начальник, – пробасил он, и, поняв удивленный взгляд Ерожина, выразительно согнул руку, и ударил ладонью возле локтя: – Все, я теперь безлошадный, Петенька. Машинки персональной больше нет. Пошли, тут рядом.

Они зашагали вдоль бульвара. Через два дома генерал остановился и, порывшись в карманах, достал ключ. К ключу была привязана черная веревка с картонкой.

– Вот наша отмычка, – усмехнулся Грыжин и принялся отпирать дверь двухэтажного особняка прямо с улицы. – Вывеску пристроим, дверь, ясное дело, надо будет заменить. Ты не пугайся, там пока не очень уютно, зато место миленькое. Бульварчик под окнами, прудик опять же.

Грыжин впустил Петра Григорьевича и запер за собой дверь. Ерожин сделал несколько шагов и остановился. Куски штукатурки на полу, рваные обои, свисающие со стен, толстый слой пыли, покрывавший пол коридора, и колченогий стул в комнате никак не совмещались в представлении подполковника со словом «офис».

– Что? Не нравится? – удивился генерал, отметив недоумение на лице своего бывшего подчиненного. – Ты, Петруха, не девица красная. Ремонт сами по своему разумению делаем. Нам готовенького никто не предложит. А если и предложат, то обдерут как липку. Ты что, миллионер?

Петр Григорьевич, чтобы не расстраивать пенсионера, согласился, что после ремонта тут может быть недурно. Помещение состояло из двух комнат, загаженного туалетки и довольно большой ванной.

– Раньше квартира была, люди жили, – усмехнулся Грыжин. – Комнатку поменьше отведем тебе под директорский кабинет, а в этой, побольше, я, бухгалтер и если еще кого найдем, тоже сюда усадим. Шкафы с папками поставим. Сейф для денежек заведем. И такой офис заделаем, что тебе Шерлок с Ватсоном на Бейкер-стрит. Представляешь, «Сыскное бюро Ерожина на Чистых прудах»! Звучит?

– Звучит. Только ремонт предстоит серьезный, – закончив осмотр, заключил подполковник.

– У меня, Петруха, десять тысяч зеленых в чулке. Министр на выход по бедности выделил. Неофициально, конечно, но выделил. Чтобы налоги за старика не платить. Не за просто так, а чтобы пенсионер рот поменьше открывал в своей стариковской жизни, – ухмыльнулся Грыжин.

– Скинемся, Иван Григорьевич, – сказал Ерожин. – Половину ты, половину я.

– И не думал, что ты буржуй! Прикопил, стало быть, с аксеновской зарплаты? – удивился генерал.

– Увы. Два месяца, как зарплаты нет, а мне с Надей хотелось погулять. Что было, то и просадил, – признался Ерожин. – Пока Кроткина заменяю, в фонде жалованье беру, тем и жив.

– Тогда чего в благородство играешь? Моих хватит. Не хватит – займем. Денежных мешков у меня в знакомстве целый город, – успокоил Грыжин и, побряхтев, добыл из кармана плоскую серебряную фляжку. – Глотнешь?

– Я же за рулем, – улыбнулся Ерожин постоянству привычек генерала.

– Пожалуй, теперь не отмажу. Раньше хоть на четвереньках за руль, а нынче придется закон уважать.

Грыжин отпил, крикнул и убрал фляжку.

– Деньги достану, – сказал Ерожин. – У жены займу. Она у меня богатенькая. Думаю, не откажет для хорошего дела.

– Неужто за Надьку отец приданое отвалил? – удивился генерал. – Не ожидал от Аксенова. Вот тебе и пьющий папочка!

– Аксенов тут ни при чем. Ну, об этом как-нибудь в другой раз, – ушел от объяснений Ерожин. От бани он отказался. Хотелось поскорее домой. Докатив Грыжина до подъезда – офис генерал присмотрел невдалеке от собственного дома, а жил он в Казарменном переулке. – Ерожин вынул телефон и хотел набрать номер Аксеновых. Но телефон в его руках издал мелодичный звон, и подполковник услышал в трубке нетерпеливый голос Нади:

– Ты где? Я давно дома и жду не дождусь. Тут столько всего тебе рассказать надо. Бабушка в воскресенье гостей зовет на свадьбу...

– Какую свадьбу? – не понял супруг.

– На нашу, Петя, – рассмеялась Надя. – Приезжай скорее.

– Еду. У меня для тебя тоже будут сюрпризы. Денег займы попрошу, – серьезным тоном сообщил Ерожин.

– Денег? У меня? – В трубке замолчали.

– Чего молчишь? Жалко? – улыбнулся Ерожин.

– Где же я возьму? – растерялась Надя.

– Ты у меня богачка. – Оставив жену в недоумении, Ерожин отложил телефон и рванул с места.

10

Таня шла по пустынному зданию стадиона «Вымпел». Эхо повторяло стук ее каблучков по цементу пола. До чего же жутко и неуютно выглядит без людей здание, предназначенное для толпы! Множество дверей по бокам длинного коридора оказались не закрытыми, и Назарова заглядывала в помещения. Нигде ни души. Младший лейтенант пыталась догадаться, для чего предназначены эти унылые и безликие пространства, и не могла. Лишь в одном небольшом зале она увидела инвалидов на креслах-каталках. Молодые люди гоняли мяч и забрасывали его в баскетбольные корзины. Таня смутилась. Меньше всего она ожидала увидеть здесь калек, но девушка поняла, что ее смущение может показаться обидным, и, пересилив себя, улыбнулась и спросила:

– Ребята, где здесь раздевалки боксеров?

– За закрытым спортзалом, – ответил один из безногих спортсменов и, резво подкатив к Тане, предложил: – Я покажу.

– Ну зачем же вам отрывать? Вы мне на словах... – сказала Таня и покраснела. Ей подумалось, что очень неприлично заставлять безногого человека обслуживать здоровой девице.

– Мне не трудно, я же на колесах, – усмехнулся молодой человек, видимо догадавшийся о мыслях незнакомки.

Таня не ответила и пошла за спортсменом. Она едва успевала за его коляской и, когда баскетболист остановился у нужной двери, уже немного задыхалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.